

005052124

На правах рукописи

М. Осадчий

Осадчий Михаил Андреевич

**ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В АСПЕКТЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВЫМИ РИСКАМИ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность 10.02.01 – русский язык

18 АПР 2013

Кемерово 2012

Работа выполнена на кафедре стилистики и риторики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.

Научный консультант: заслуженный работник высшей школы РФ *Араева Людмила Алексеевна*, заведующий кафедрой стилистики и риторики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики, педагогики и психологии Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва.

Баранов Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва.

Иссерс Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва.

Защита состоится 05 апреля 2013 года на заседании диссертационного совета Д212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан 29 декабря 2012 года.

И. о. ученого секретаря
диссертационного совета

Н. Б. Лебедева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Научный контекст и актуальность исследования. Выполненное исследование относится к числу попыток заполнить понятийные и методологические лакуны в междисциплинарных областях. В настоящее время активно развивается научное направление, именуемое в отечественной науке «юрислингвистикой», «судебной лингвистикой», а в зарубежной – «forensic linguistics». Предметной областью этой научной отрасли являются проблемы использования лингвистических познаний в судебном разбирательстве. Исследователи, идущие в этом направлении, в качестве важнейшей своей задачи декларируют взаимную адаптацию лингвистического и юридического понятийно-методологического аппарата, установление прямых корреляций между фактами языка и фактами права. Отчасти решению этой задачи посвящено и предпринятое исследование.

Работа в междисциплинарной области лингвистики и юриспруденции потребовала подключения понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей – экономики и технических наук. Обоснованное в экономике явление управления рисками, выработанные процедуры риск-менеджмента использованы для алгоритмического моделирования и прогнозирования коммуникативного поведения носителей русского языка при уходе от правовых рисков. Из сферы технических наук заимствован метод параметризации, позволяющий установить корреляцию между качественными и количественными характеристиками правового риска, реализуемого в речевой коммуникации. Использование принципов параметрического моделирования в лингвистике, связанное, прежде всего, с именем Н. Хомского, становится все более актуальным для отечественной науки.

Не в последнюю очередь актуальность работы обусловлена запросами практических областей: в сфере правоприменения и криминалистики сохраняется высокая потребность в понятийном и методологическом упорядочении процедур использования лингвистических познаний; в сферах имиджмейкинга, ораторского искусства, редакторского дела и практической стилистики усиливается спрос на рекомендации по развитию навыков ухода от правовых рисков в публичной коммуникации.

Кроме того, актуальность исследования подтверждается тем, что тема поддержана грантами различных уровней. Так, в главах I, II, III и V описано исследование, выполненное в ходе реализации государственного контракта на проведение поисковых научно-исследовательских работ по теме «Применение методов научного моделирования при производстве судебной лингвистической экспертизы» в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (объем финансирования 1,8 млн. руб.). В главе IV описаны результаты, полученные в рамках реализации проекта «Судебная лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма в многонациональном индуст-

риальном регионе (на примере Кемеровской области)» (грант Губернатора Кемеровской области по поддержке молодых ученых, кандидатов наук – 0,06 млн. руб.). В главах VI и VII описано исследование, выполненное при поддержке РГНФ (проект № 113400324 «Речевые стратегии и тактики ухода от правовых рисков в публичной коммуникации» – 0,67 млн. руб.).

Исходная гипотеза исследования состоит из четырех взаимосвязанных допущений:

- (1) действующим российским законодательством предусмотрена ответственность за преступления, совершаемые вербальным способом;
- (2) существуют риски совершения преступлений в ходе публичной речевой коммуникации на современном русском языке;
- (3) языковые носители осознают данные риски и стремятся их избежать;
- (4) публичная речевая коммуникация на современном русском языке характеризуется наличием зон правового риска и взаимосвязанных с данными зонами коммуникативных стратегий и тактик ухода от правовых рисков.

Допущение 1 не предполагает доказательства и принимается в исследовании за исходное данное. Допущения 2, 3 и 4 формируют проблематику исследования и доказываются по ходу работы.

Цель работы – исследовать процесс управления правовыми рисками в публичной речевой коммуникации путем описания зон правового риска, а также связанных с ними коммуникативных стратегий и тактик ухода от правовых рисков, реализующихся в публичной речевой коммуникации на современном русском языке.

Поставленная цель предполагает решение следующих **основных задач**:

1. Определение зон правового риска, реализующегося в публичной коммуникации, установление границ зон правового риска посредством параметризации вербальных признаков правонарушений и построения параметрических судебно-лингвистических моделей. Решение данной основной задачи предполагает решение ряда *частных задач*:
 - 1.1. Построение параметрической судебно-лингвистической модели сведений порочащего характера / клеветы.
 - 1.2. Построение параметрической судебно-лингвистической модели оскорбления.
 - 1.3. Построение параметрической судебно-лингвистической модели призыва к осуществлению экстремистской деятельности.
 - 1.4. Построение параметрической судебно-лингвистической модели возбуждения ненависти и вражды.
 - 1.5. Построение параметрической судебно-лингвистической модели угрозы.
2. Исследование особенностей реализации общей коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков посредством описания частных стратегий и тактик ухода от правовых рисков, связанных с соверше-

нием конкретных правонарушений, и построение параметрических легевфемических антимodelей. Решение данной основной задачи предполагает решение ряда *частных задач*:

- 2.1. Построение параметрической легевфемической антимodelи сведений порочащего характера / клеветы.
 - 2.2. Построение параметрической легевфемической антимodelи оскорбления.
 - 2.3. Построение параметрической легевфемической антимodelи призыва к осуществлению экстремистской деятельности.
 - 2.4. Построение параметрической легевфемической антимodelи возбуждения ненависти и вражды.
 - 2.5. Построение параметрической легевфемической антимodelи угрозы.
3. Построение алгоритмической модели управления правовыми рисками в публичной коммуникации и прогнозирование эффективности процесса управления правовыми рисками на основе экспериментальных данных.

Объектом исследования является публичная речевая коммуникация на современном русском языке.

Предметом исследования являются зоны правового риска, актуальные для публичной речевой коммуникации на современном русском языке, и связанные с ними коммуникативные стратегии и тактики ухода от правовых рисков.

Методологическую базу исследования составляют общие методы описания, обобщения, классификации и моделирования, а также частные методы параметрического моделирования, алгоритмического моделирования, опроса и лингвистического эксперимента; кроме того, в исследовании использованы элементы статистического анализа.

Материалом исследования на различных этапах работы послужили следующие источники:

- судебный архив автора, составленный по результатам проведения 115 судебных лингвистических экспертиз и криминалистических исследований в период с 2007 по 2012 годы;
- база данных текстов СМИ, сформированная автором в период с 2006 по 2012 годы в ходе мониторинга телевизионных программ – «К барьеру» (канал «НТВ»), «Поединок» (канал «Россия-1»), «Пусть говорят» («Первый канал»), печатных изданий – газет «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», журнала «Российский репортер», электронных изданий – газеты «Взгляд», сайты «Эхо Москвы», «Лента.ру» (всего 5698 словоупотреблений);
- данные опросов, проводимых под руководством автора с 2007 по 2012 годы (1056 респондентов);

- данные лингвистического эксперимента, проводимого под руководством автора с 2010 по 2012 годы (972 респондента).

Научная новизна исследования заключается в том, что применительно к современной российской лингвокультуре *разработана* научная концепция управления правовыми рисками в публичной коммуникации; *предложена* методика параметрического моделирования правовых рисков в публичной коммуникации; *доказан* системный характер стратегии ухода от правовых рисков для публичной коммуникации в современной российской лингвокультуре; *введены* понятия *общей коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков*; *частной коммуникативной стратегии ухода от рисков*, связанных с совершением конкретного правонарушения; *коммуникативной тактики ухода от правовых рисков и легевфемии*.

В связи с этим на защиту выносятся следующие положения:

1. Параметризацию правового риска, реализующегося в публичной коммуникации, целесообразно выполнять путем построения параметрической судебно-лингвистической модели правонарушения, содержащей следующие данные: *код параметра*; *список параметров* идентификации вербальных признаков правонарушения; *качественные проявления* каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения; *количественные проявления* каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения; *квалификационные показатели* каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения; *квалификационная сумма показателей* всех параметров идентификации вербальных признаков правонарушения.

2. Событие публичной коммуникации характеризуется по следующим параметрам: параметр открытости, параметр доступности, параметр оснований ограничения. Событие коммуникации характеризуется признаками публичности при выполнении следующих условий в их совокупности: адресантом не создано физических препятствий для участия в коммуникации третьего лица (косвенного неперсонализованного адресата); адресантом не создано семиотических препятствий для участия в коммуникации третьего лица (косвенного неперсонализованного адресата); третье лицо обладает потенциальной возможностью принять участие в коммуникации (воспринять информацию) в качестве косвенного неперсонализованного адресата; отсутствует ограничение доступа к коммуникации третьих лиц по личным основаниям.

3. Риск распространения порочащей информации / совершения клеветы характеризуется двумя группами параметров, определяющих, во-первых, сведения о фактах и событиях и, во-вторых, порочащую информацию.

Параметры сведений о фактах и событиях (первый этап идентификации сведений порочащего характера / клеветы): лексико-грамматический параметр, стилистический параметр, верификационный параметр. Конфликтная информация является сведениями о фактах и событиях, если удовлетворяет следующим условиям в их совокупности: в высказывании не содержатся маркеры субъективности, синтаксически относящие к конфликтной части

высказывания; высказывание не содержит вопроса, тематическая компонента которого включает конфликтную часть высказывания; конфликтная часть высказывания имеет пропозиционально-диктумную семантику; из высказывания выводится информация о положении вещей и/или процессах, характеризующаяся идентифицируемыми и измеряемыми атрибутами, достаточными для реконструкции конфликтного компонента семантики, и/или из высказывания выводится информации об объективированной оценке положения вещей и/или процесса.

Параметры информации порочащего характера (второй этап идентификации сведений порочащего характера / клеветы): параметр типа сведений, параметр вероятных последствий. Распространенные сведения носят порочащий характер при соответствии следующим условиям в их совокупности: (1) сведения содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота; (2) сведения умаляют честь и достоинство конкретного гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

4. Риск совершения оскорбления характеризуется тремя группами параметров, корректных для публичной коммуникации; непубличной коммуникации, в ходе которой характеризуется 3-е лицо; непубличной коммуникации, в ходе которой характеризуется 2-е лицо.

Параметры оскорбления другого лица в публичной коммуникации: параметр атрибутированности, параметр ненормативности, параметр табуированности. Высказыванием, унижающим честь и достоинство другого лица в неприличной форме, в ситуации публичной коммуникации является такое, в котором образ другого лица корректируется в худшую сторону за счет статусного понижения относительно говорящего; содержатся ЛСВ, имеющие в лингвистических словарях пометы *бран.*, *руг.*, *груб.-прост.* или внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обценизмов и/или содержатся образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации.

Параметры оскорбления 3-го лица в непубличной коммуникации: параметр *атрибутированности*, параметр *ненормативности*, параметр *табуированности*. В ситуации публичной коммуникации высказыванием, унижающим честь и достоинство другого лица в неприличной форме, является такое, в котором: образ 3-го лица корректируется в худшую сторону за счет статусного понижения относительно говорящего; содержатся ЛСВ, имеющие в лингвистических словарях пометы *бран.*, *руг.*, *груб.-прост.* или внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обценизмов, и/или содержатся образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации.

Параметры оскорбления 2-го лица в непубличной коммуникации: параметр *атрибутированности*, параметр *ненормативности*, параметр *табуи-*

рованности, параметр соразмерной ответственности. В ситуации публичной коммуникации высказыванием, унижающим честь и достоинства другого лица в неприличной форме, является такое, которое отвечает следующим признакам в их совокупности: (1) образ 2-го лица в высказывании корректируется в худшую сторону за счет статусного понижения относительно говорящего; (2) в высказывании содержится ЛСВ, имеющие в лингвистических словарях пометы *бран., руг., груб.-прост.* или внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обценизмов, **и/или** содержатся образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации; (3) высказывание не является соразмерным ответом на бранное высказывание, то есть не характеризуется формально-семантической мотивированностью и стилистической паритетностью с мотивирующим высказыванием.

5. Риск совершения призыва к осуществлению экстремистской деятельности характеризуется следующими параметрами: структурные параметры – параметр открытости, параметр прямоты; семантические параметры – параметр образа способа совершения действия, параметр образа объекта действия. Вербальные признаки призыва к совершению экстремистской деятельности усматриваются в событии коммуникации при выполнении следующих условий в их совокупности: (1) в высказывании реализована полная или сокращенная схема призыва (*образ адресата – образ действия – образ объекта – вербальный императив*); в высказывании реализован вербальный императив; (2) вербальный императив побуждает к совершению действия (действий) одним или несколькими из перечисленных способов – путем насильственных действий; путем террористической деятельности; путем нарушения прав, свобод и законных интересов; путем воспрепятствования, соединенного с насилием либо угрозой его применения; путем совершения преступлений (в т. ч. убийства, причинения вреда здоровью, побоев, хулиганства, вандализма и т. д.); путем пропаганды и публичного демонстрирования; путем организации, подготовки, подстрекательства; путем финансирования либо иного содействия в организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг; (3) вербальный призыв побуждает к совершению действий в отношении одного или нескольких из перечисленных объектов – существующего конституционного строя; населения; человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; избирательных прав граждан и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования; законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций; человека как представителя политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы / предмета как атрибута политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы;

нацистской атрибутики или символики – либо сходной с ней до степени смешения.

6. Риск возбуждения ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе характеризуется двумя группами параметров:

А. Параметры вербального возбуждения ненависти и вражды, выраженного в обосновании специальных действий: параметр *обоснования*, параметр *образа способа совершения действия*, параметр *образа объекта действия*. Конфликтный текст имеет вербальные признаки возбуждения ненависти и вражды, если отвечает следующим признакам в их совокупности: (1) текст содержит логическую и/или оценочную и/или прецедентную аргументацию; (2) данная аргументация приводится в пользу действий, осуществляемых одним или несколькими из перечисленных способов: геноцид, массовые репрессии, депортация, применение насилия, совершение противоправных действий; (3) данная аргументация приводится в пользу действий, осуществляемых в отношении одного или нескольких из перечисленных типов объекта: представитель какой-либо нации, расы, какой-либо группы, приверженец той или иной религии.

Б. Параметры вербального возбуждения ненависти и вражды, выраженного в утверждении необходимости специальных действий: структурные параметры – параметр *утверждения*, параметр *долженствования*; семантические параметры – параметр *образа способа совершения действия*, параметр *образа объекта действия*. Конфликтный текст имеет вербальные признаки возбуждения ненависти и вражды, если отвечает следующим признакам в их совокупности: (1) текст содержит утверждение; (2) данное утверждение содержит элемент, выражающий семантику долженствования; (3) данная утвердительная конструкция содержит образ действий, осуществляемых одним или несколькими из перечисленных способов: геноцид, массовые репрессии, депортация, применение насилия, совершение противоправных действий; (4) данная аргументация содержит образ одного или нескольких из перечисленных типов объекта: представитель какой-либо нации, представитель какой-либо расы, представитель какой-либо группы, приверженец той или иной религии.

7. Риск совершения угрозы характеризуется следующими параметрами: специальный параметр – параметр типа вредоносного действия, общие параметры – параметр субъектной принадлежности действия, параметр адресованности объекту, параметр темпоральной маркированности действия.

Объективную сторону угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью образует высказывание, отвечающее следующим признакам в их совокупности: (1) в высказывании сообщается об убийстве и/или причинении тяжкого вреда здоровью; (2) действие совершается говорящим или субъектом, связанным с говорящим; (3) объектом действия является адресат или связанное с ним лицо; (4) действие совершается в будущем.

Объективную сторону угрозы насилием образует высказывание, отвечающее следующим признакам в их совокупности: (1) в высказывании сообщается о применении физической силы; (2) действие, о котором сообщает говорящий, совершается самим говорящим или субъектом, связанным с говорящим; (3) объектом действия, о котором сообщает говорящий, является адресат или связанный с ним субъект в широком смысле (человек, животное, артефакт, феномен); (4) действие, о котором сообщает говорящий, совершается в будущем.

Объективную сторону угрозы, связанной с вымогательством, образует высказывание, отвечающее следующим признакам в их совокупности: (1) в высказывании сообщается о применении физической силы, и/или уничтожении, повреждении чужого имущества, и/или распространении сведений, порочащих потерпевшего или его близких; (2) действие, о котором сообщает говорящий, совершается самим говорящим или субъектом, связанным с говорящим; (3) объектом действия, о котором сообщает говорящий, является адресат или связанный с ним субъект в широком смысле (человек, животное, артефакт, феномен); (4) действие, о котором сообщает говорящий, совершается в будущем.

Объективную сторону угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества образует высказывание, отвечающее следующим признакам в их совокупности: (1) в высказывании сообщается об убийстве, и/или причинении вреда здоровью, и/или уничтожении, повреждении имущества; (2) действие, о котором сообщает говорящий, совершается самим говорящим или субъектом, связанным с говорящим; (3) объектом действия, о котором сообщает говорящий, является адресат или связанный с ним субъект в широком смысле (человек, животное, артефакт, феномен); (4) действие, о котором сообщает говорящий, совершается в будущем.

8. Общая коммуникативная стратегия ухода от правовых рисков реализуется в частных коммуникативных стратегиях ухода от рисков совершения конкретных правонарушений. Частные стратегии ухода от рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений, реализуются набором тактик ухода от правовых рисков. Конкретным речевым выражением тактики ухода от правовых рисков является легевфемизм – участок речевого континуума, выстроенный в соответствии с одной из тактик ухода от правовых рисков.

9. В современной российской лингвокультуре набор тактик ухода от правовых рисков является закрытым и универсальным для всех видов правонарушений и включает пять единиц: тактика манифестации субъективности, тактика затемнения референта, тактика разорванной предикации, тактика деавторизации и тактика автореабилитации.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с распространением сведений о фактах и событиях (первый этап ухода от риска распространения сведений порочащего характера / клеветы), квалификационные показатели *лексико-грамматического* параметра блоки-

руются путём реализации тактик манифестации субъективности и автореабилитации, квалификационные показатели *стилистического* параметра блокируются при реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели *верификационного* параметра блокируются с помощью реализации тактик манифестации субъективности, затемнения референта и деавторизации.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с распространением информации порочащего характера (второй этап ухода от риска распространения сведений порочащего характера / клеветы), квалификационные показатели параметра *типа сведений* блокируются путём реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра *вероятных последствий* блокируются с помощью реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с совершением оскорбления другого лица, квалификационные показатели параметра *атрибутированности* блокируются в ходе реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра *ненормативности / табуированности* блокируются путём реализации тактики затемнения референта.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с совершением призыва к осуществлению экстремистской деятельности, квалификационные показатели параметра *открытости* блокируются с помощью реализации тактики разорванной предикации, квалификационные показатели параметра *прямоты* блокируются путём реализации тактик затемнения референта и автореабилитации, квалификационные показатели параметра *образа способа совершения действия* блокируются путём реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра *образа объекта действия* блокируются с помощью реализации тактики затемнения референта.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с возбуждением ненависти и вражды, выраженным в обосновании специальных действий, квалификационные показатели параметра *обоснования* блокируются в ходе реализации тактик разорванной предикации и автореабилитации, квалификационные показатели параметра *образа способа совершения действия* блокируются путём реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра *образа объекта действия* блокируются с помощью реализации тактики затемнения референта.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с возбуждением ненависти и вражды, выраженным в утверждении необходимости специальных действий, квалификационные показатели параметра *утверждения* блокируются посредством реализации тактик манифестации субъективности и автореабилитации, квалификационные показатели параметра *долженствования* блокируются в ходе реализации тактики разо-

рванной предикации, квалификационные показатели параметра *образа способа совершения действия* блокируются путём реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра *образа объекта действия* блокируются с помощью реализации тактики затемнения референта.

При реализации частной коммуникативной стратегии ухода от рисков, связанных с совершением угрозы, квалификационные показатели параметра *типа вредоносного действия* блокируются посредством реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра *субъективной принадлежности действия* блокируются посредством реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра *объекта действия* блокируются посредством реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра *темпоральной маркированности действия* блокируются посредством реализации тактики разорванной предикации.

9. В сознании современных носителей русского языка знания о правовых рисках организованы по принципу категории, в ядре которой находится оскорбление, на ближней периферии клевета и угроза, прочие правонарушения находятся на дальней периферии и осознаются единицами.

Знания современных носителей русского языка об оскорблении и угрозе приближаются к законодательно закрепленным признакам указанных правонарушений. При этом знания о клевете ограничиваются знанием о признаке ложности передаваемой информации. Когнитивное прогнозирование дает положительный прогноз эффективности использования носителями русского языка тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления и угрозы, и отрицательный прогноз эффективности использования тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

10. Современные носители русского языка способны идентифицировать в высказываниях все тактики, блокирующие проявления признаков оскорбления. Это является основанием для уверенного положительного прогноза эффективности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления.

Современные носители русского языка с большей вероятностью способны идентифицировать в высказываниях две тактики, блокирующие проявления признаков клеветы, из пяти возможных тактик – тактику манифестации субъективности и тактику затемнения денотата. Это является основанием для отрицательного прогноза эффективности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

Современные носители русского языка с большей вероятностью способны идентифицировать в высказываниях одну тактику, блокирующую проявления признаков угрозы, из двух возможных тактик – тактику разорванной предикации. Это является основанием для нейтрального прогноза эффектив-

ности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением угрозы.

11. Современные носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, используя тактику затемнения референта. Данная тактика способна блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения.

Современные носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы, используя тактики манифестации субъективности и затемнения референта. Данные тактики способны блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения.

Носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением угрозы, используя тактику затемнения референта. Данная тактика способна блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения.

Эти данные позволяют дать уверенный положительный прогноз эффективности реализации в речи носителей русского языка частных стратегий ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, клеветы и угрозы.

Теоретическая значимость полученных результатов обоснована тем, что *доказана* эффективность методики параметрического моделирования, уточняющей научные представления о феномене правонарушений, совершаемых вербальным способом, коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков; *применительно к проблематике диссертации результативно использован* комплекс существующих базовых методов лингвистического исследования, в том числе метод эксперимента; *изложены* параметры идентификации правовых рисков в публичной коммуникации, частные коммуникативные стратегии и тактики ухода от правовых рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений; *раскрыты* противоречия между понятийно-методологическим аппаратом лингвистики и юриспруденции; *изучены* стадии алгоритма управления правовыми рисками в публичной коммуникации.

Значение полученных результатов для практики подтверждается тем, что *разработана параметрическая судебно-лингвистическая методика* установления признаков правонарушения, совершаемого вербальным способом; *созданы* параметрические судебно-лингвистические модели конкретных правонарушений – сведений порочащего характера / клеветы, оскорбления, призыва к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждения ненависти и вражды, угрозы, которые могут быть использованы в работе судебных экспертов.

Достоверность результатов исследования подтверждается тем, что разработанная научная *концепция* управления правовыми рисками в публич-

ной коммуникации построена на известных, проверяемых данных, согласуется с опубликованными научными результатами по теме диссертации; *идея* о системном характере коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков для публичной коммуникации в современной российской лингвокультуре базируется на анализе судебной практики и экспериментальных данных, обобщении наблюдений за речевой коммуникацией; *использованы* современные методы сбора и обработки данных – параметрическое моделирование правового риска, алгоритмическое моделирование управления рисками, опрос носителей русского языка, лингвистический эксперимент.

Апробация результатов исследования проходила в несколько этапов:

1) в ходе докладов и дискуссий на международных научных конференциях: II International Conference on Applied Linguistics and Professional Practice (Sidney, Australia, University of Technology, 6 – 8 December 2012); II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ, 21 – 24 марта 2012 г.); VII Международная летняя лингвистическая школа «Методика и методология лингвистического анализа и преподавания лингвистических курсов» (Кемерово, КемГУ, 26 июня – 07 июля 2012 года); Sixth International Conference on Discourse, Communication and the Enterprise (HongKong, HongKong Polytechnic University, 8 – 10 September 2011); VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, Московский институт иностранных языков, 22 – 25 сентября 2011 г.); IV Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования» (Кемерово, КемГУ, 4 – 6 июля, 2011 г.); IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г.), VI Международная летняя лингвистическая школа «Методика и методология лингвистического анализа и преподавания лингвистических курсов» (Кемерово, КемГУ, 1 – 10 июля 2010 года); IV Международная научно-практическая конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Байск, АГАО, 14 – 15 октября 2010 года);

2) в ходе производства 115 судебных лингвистических экспертиз и криминалистических исследований в период с 2007 по 2012 годы;

3) в ходе преподавания специального курса «Русский язык в границах права» для студентов, обучающихся по направлению 032700.62 «Филология» (2009-10 учебный год) и дисциплины «Языковая политика» для студентов, обучающихся по направлению 035800.62 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» (2011-12 учебный год) в Кемеровском государственном университете.

По теме диссертации опубликовано 2 авторские монографии, 12 статей в ведущих рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, 30 статей в сборниках научных трудов и периодических изданиях.

Структура работы. Диссертация изложена на 370 листах и состоит из введения, семи глав, заключения и списка литературы.

Во введения обосновывается актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Основные понятия и методология» раскрывается базовое для исследования понятие публичной коммуникации, анализируются методы лингвистического описания преступления, совершенного вербальным способом, обосновывается метод параметризации и параметрического моделирования.

Во второй главе «Параметризация рисков, связанных с распространением порочащих сведений и совершением клеветы» описано построение параметрической судебно-лингвистической модели сведений порочащего характера / клеветы.

В третьей главе «Параметризация рисков, связанных с совершением оскорбления» описано построение параметрической судебно-лингвистической модели оскорбления.

В четвертой главе «Параметризация рисков, связанных с совершением преступлений экстремистской направленности» описано построение параметрической судебно-лингвистической модели призыва к осуществлению экстремистской деятельности, а также параметрической судебно-лингвистической модели возбуждения ненависти и вражды.

В пятой главе «Параметризация рисков, связанных с совершением угроз» описано построение параметрической судебно-лингвистической модели угрозы.

В шестой главе «Коммуникативная стратегия ухода от правовых рисков (феномен легевфемии)» описано исследование особенностей реализации общей коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков посредством описания частных стратегий и тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений, и построение параметрических легевфемических антимodelей.

В седьмой главе «Алгоритм управления рисками в аспекте категории эффективности» описано построение алгоритмической модели управления правовыми рисками в публичной коммуникации и прогнозирование эффективности процесса управления правовыми рисками на основе экспериментальных данных

В заключении подведены итоги исследования и намечены перспективы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первая глава «Основные понятия и методология» открывается § 1.1. «Принципы параметрического моделирования».

К числу важных особенностей феномена правовой оценки факта, явления или процесса следует отнести безусловную перформативность такой оценки. Правовая квалификация является прямым действием, последствия которого носят неотвратимый и системный характер. По этой причине правовая оценка стремится к идеалу точной, алгоритмизированной процедуры,

ведущей к однозначным выводам. Любая неоднозначность и вариативность, свойственная объективным явлениям и процессам, преодолевается понятийными и процедурными конвенциями, вырабатываемыми правоприменительным и экспертным сообществами.

Все это в полной мере относится и к явлению речевой коммуникации как сфере правоотношений. Корректное применение к коммуникации правовых оценок требует, прежде всего, *операционализации субъективных исследовательских понятий* (Д. А. Леонтьев) и параметризации коммуникативного процесса. Операционализация и параметризация являются когерентными гносеологическими действиями: параметризация позволяет описать состав признаков явлений и процессов, прототипические формы проявления признаков и диапазон их варьирования; операционализация позволяет упорядочить, алгоритмизировать оценку явлений и процессов с опорой на список заданных параметров и их значений.

В общенаучном смысле параметризация представляет собой моделирование процесса или явления, при котором выполняются три действия: установление состава признаков явления (процесса); установление нормативных (прототипических) форм проявления каждого из признаков явления (процесса); установление диапазона варьирования форм проявления каждого из признаков, не разрушающего идентичности явления (процесса).

Метод параметризации, зародившийся в сфере инженерии и точных вычислений, давно и успешно применяется в лингвистическом моделировании. Параметрическое моделирование грамматики позволяет описывать структуру языка как динамическую систему, устойчивую в наборе универсальных признаков и подвижную в параметрах их проявления. Принципы параметрического моделирования оказываются полезными в типологических исследованиях, позволяя строить сложные инвариантно-вариативные модели языков.

В последние годы элементы параметрического моделирования (параметризации) применяются отечественными лингвистами в исследованиях по семантике, теории дискурса, психологии коммуникации.

В рамках настоящего исследования выполняется параметризация правовых рисков, актуальных для публичной коммуникации на русском языке в условиях современной российской лингвокультуры. Параметризация правового риска в коммуникации выполняется путем построения параметрической судебно-лингвистической модели правонарушения. Параметрическая модель имеет вид таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Общий вид параметрической судебно-лингвистической модели

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Параметры группы А				
A1	Параметр 1	Качество 1	[0; 1]	Σ1
		Качество 2	[0; 1]	
A2	Параметр 2	Качество 1	[0; 1]	Σ0
Параметры группы В				
B1	Параметр 3	Качество 1	[0; 1]	Σ[1; 5]
		Качество 2	[0; 1]	
		Качество 3	[0; 1]	
		Качество 4	[0; 1]	
		Качество 5	[0; 1]	
B2	Параметр 4	Качество 1	[0; 1]	Σ[1; 4]
		Качество 2	[0; 1]	
		Качество 3	[0; 1]	
		Качество 4	[0; 1]	
<p>Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma A_1 A_2 B_1 B_2 = [3; 10]$, при $\Sigma A_1 = 0, \Sigma A_2 = 1, \Sigma B_1 = [1; 5], \Sigma B_2 = [1; 4]$.</p>				

Из приведенной таблицы видно, что каждый параметр может иметь одно или несколько качеств проявления. Например, в случае с оскорблением параметр неприличности может выражаться обценными словами (качество 1), грубыми ругательствами (качество 2) или табуированными образами (качество 3). Количественная характеристика степени проявления каждого из качеств выполняется в системе двоичного исчисления от 0 до 1, где 0 означает непроявленность качества (например, если в высказывании нет обценных слов), а 1 означает проявления качества (напротив, если в тексте есть обценные слова). В столбце «Квалификационный количественный показатель параметра» указывается суммарное значение параметра, необходимое для того, чтобы усматривать в тексте признаки правонарушения. Например, если проявление какого-либо параметра характеризует три качества, а квалификационная сумма показателей параметра задана в диапазоне от 1 до 3 [1; 3], это означает, что для идентификации по данному параметру признака преступ-

ления необходимо, чтобы параметр проявился на уровне хотя бы одного из характеризующих его качеств; если же квалификационная сумма показателей параметра задана в значении 0, это означает, что для идентификации признака преступления необходимо полное отсутствие проявлений по данному параметру. Например, для идентификации сведений порочащего характера необходимо, чтобы модальная рамка гипотетичности не проявилась ни в какой из форм (в тексте точно не должно быть слов *мне кажется, по моему мнению* и т. д.).

Нижняя строка «Квалификационная сумма показателей параметров» содержит данные о сумме «баллов», которую нужно «набрать», чтобы с уверенностью констатировать наличие вербальных признаков правонарушения. При этом важна не просто сумма «баллов», а то, на каких именно параметрах данные «баллы» набираются, то есть **квалификационная формула**. Например, признаки правонарушения X усматриваются по двум параметрам – Параметру A и Параметру B , квалификационная сумма равна 1, при квалификационной формуле '*при $A=1, B=0$* '. Если итоговая сумма 1 будет набрана по другой формуле – '*при $A=0, B=1$* ', то вербальные признаки правонарушения не усматриваются.

Построение параметрической модели позволяет представить процесс выявления вербальных признаков правонарушения в виде алгоритмизированной процедуры, приводящей к однозначному выводу при соблюдении правил модели. Таким образом, параметрическая модель задает границы зон правого риска в коммуникации, без описания зон риска и очерчивания их границ невозможно моделирование процессов управления рисками. Напротив, наличие четкого представления о границах зон риска (*если сказать так – нарушишь закон, а если сказать вот так – не нарушишь*) дает возможность языковому носителю контролировать риски и эффективно их минимизировать, а исследователю – моделировать процессы управления рисками и прогнозировать их эффективность.

В § 1.2. «*Правовая параметризация события коммуникации*» описаны процедурные и понятийно-методологические трудности, с которыми сталкивается исследователь и судебный эксперт при описании фактов речи в аспекте правовой квалификации. Данная дискуссия широко представлена в научной литературе.

В § 1.3. «*Параметрическая судебно-лингвистическая модель публичной коммуникации*» построена модель публичной коммуникации.

Публичность как признак события коммуникации получает юридизацию, как правило, в ходе расследования случаев возбуждения ненависти и вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), а также прокурорской проверки по фактам клеветы (ст. 128.1 УК РФ) и оскорбления (5.61 КоАП РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 282 УК РФ, возбуждением ненависти и вражды, а равно унижением человеческого достоинства являются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение

достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, *совершенные публично* или с использованием средств массовой информации. В соответствии с п. 2. ст. 128.1 УК РФ наказывается клевета, содержащаяся в *публичном* выступлении, *публично* демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Аналогично с п. 2. ст. 5.61 КоАП РФ наказывается оскорбление, содержащееся в *публичном* выступлении, *публично* демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

Необходимо отметить, что в диспозиции ст. 282 УК РФ публичная форма совершения преступления противопоставлена распространению в средствах массовой информации как разные виды деятельности. В терминах статей 128.1 УК РФ и 5.61 КоАП РФ публичная форма свойственна как выступлению, так и демонстрируемому произведению. При этом обе указанные формы совершения правонарушения (публичное выступление и публичная демонстрация произведения) противопоставлены распространению в средствах массовой информации.

В современных лингвистических исследованиях, посвященных проблеме публичной коммуникации, выделяется ряд критериев, которые в совокупности могут указывать на публичный характер общения.

Критерий адресата. Адресатом в ситуации публичной коммуникации никогда не является конкретное лицо, персонала. Даже при наличии персональных обращений фактическим адресатом является общество (сообщество), *деперсонализированный субъект*.

Критерий содержания. Большая часть исследователей отводит данному критерию второе по значимости место после описанного выше критерия адресата. Публичная коммуникация посвящена обсуждению общественно-значимого предмета. Выше упоминалось определение публичной коммуникации, данное Питером Уилби – как передачи информации общественности и ее получение общественностью. Теперь следует упомянуть о второй части данного определения: публичная коммуникация – это информация, не только передаваемая общественности и получаемая ею, но также *имеющая значение для общественности*.

Критерий адресанта. Данный критерий (как и все последующие) является относительным. Существует точка зрения, что, в отличие от множественного и деперсонализованного адресата, адресантом в публичной коммуникации является персонала – личность, наделенная социальным статусом и речевыми компетенциями, дающими негласное право привлекать к своей речи внимание широкой общественности. Конечно, данный критерий применим к ограниченному объему публичной коммуникации, как правило – к политической публичной коммуникации. При этом в ситуации светской публичной коммуникации, открытого интернет-форума иерархическое, компетентностное расстояние между адресантом и адресатом не устанавливается. Напротив, наблюдается *адресато-адресантная мобильность*: одно лицо мо-

жет реализоваться как в роли оратора, так и в роли слушателя в ходе развития события коммуникации.

Критерий формы речи. Прототипическим репрезентантом публичной коммуникации является устная речь, публичное выступление на каком-либо массовом мероприятии. В ряде работ такая разновидность публичной коммуникации определяется как основная. Однако большая часть исследователей выводит фактор формы речи (устная / письменная) за скобки при определении критериев публичности, поскольку при более узком понимании вся печатная пресса выходила бы за рамки публичной коммуникации.

Критерий интенции. По мнению ряда лингвистов, публичная речь характеризуется специфическими интенциями – воздействие на аудиторию с целью изменения гражданского самосознания, передачи ценностного опыта или знаний. В свете таких критериев трудно дать оценку такой форме публичной коммуникации, как *светское общение*: во-первых, в светском салоне не обязательно обсуждаются общественно-политические идеи, во-вторых, светский дискурс построен на фатических моделях, призванных организовать само событие коммуникации как самоценность, позволяя участника коммуникации осуществлять ритуальное взаимодействие. При этом публичность дискурса светского салона сомнению не подлежит. Оскорбление, нанесенное в ходе поэтического вечера в присутствии собравшихся, будет квалифицировано именно как *публичное*.

Критерий контактности. Нередко установление прямого контакта между оратором и аудиторией расценивается как конститутивный элемент публичной коммуникации. При таком подходе не могут быть признаны актами публичной коммуникации диалоги в открытых интернет-форумах, а также медийный дискурс в целом, важной характеристикой которого является именно медиаторство между оратором и его аудиторией.

Критерий подготовленности. Речь адресанта в публичной коммуникации является подготовленной, строго соотнесенной с тематикой события, интенциями и компетенциями адресата. Необходимо отметить, что данный критерий релевантен для институционализированной публичной коммуникации (профессиональной, политической).

При построении судебно-лингвистической параметрической модели важно исключить относительные критерии, характеризующие ограниченный объем моделируемого явления. К таковым, думается, следует отнести критерии подготовленности, контактности, интенции, формы речи, а также критерий адресанта. Учет в общем объеме моделируемой коммуникации открытых интернет-чатов (форумов), в рамках которых коммуникация протекает спонтанно, дистантно (опосредованно или отложено), письменно, в ходе которых наблюдается адресато-адресантная мобильность и деполитизированность тематики, заставляет более широко смотреть на явление публичной коммуникации, не ограничивая ее прототипом – политическим митингом. Безусловно, данные критерии можно сохранить для описания публичной коммуникации, но в этом случае либо необходимо отказать открытым интер-

нет-форумам в публичности, что фактически неверно, либо выстраиваемая модель приобретет вид поля с ядерными (инвариантными) и периферийными (вариативными) признаками, что не соответствует методологическим установкам судебной лингвистики, базирующейся на инвариантности.

Из семи критериев остаются лишь два инварианта – критерий адресата и критерий тематики, между которыми, образно выражаясь, разворачивается борьба за большую значимость.

Параметр открытости заключается в том, что говорящий не предпринимает действий, направленных на создание физических либо семиотических препятствий для вовлечения в коммуникацию любого третьего лица (косвенного неперсонализованного адресата). Данный параметр характеризует деятельность адресанта.

Физическими препятствиями для вовлечения третьего лица могут быть хорошо известные методы сохранения приватности коммуникации в общественном месте: шепот, прикрывание губ рукой. В качестве примеров семиотических препятствий могут быть приведены криптолалия (тайноязычие, арг) в общественном месте, переход на иностранных язык, заведомо неизвестный присутствующим.

Параметр доступности заключается в потенциальной возможности любого человека, независимо от его личных качеств, воспринять передаваемую информацию. Данный параметр характеризует деятельность адресата.

Представим компоненты модели в виде параметрической таблицы 2:

Таблица 2. Параметрическая судебно-лингвистическая модель публичной коммуникации

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
А	Открытость	Создание адресантом физических препятствий для участия в коммуникации третьего лица (косвенного неперсонализованного адресата)	[0; 1]	Σ0
		Создание адресантом семиотических препятствий для участия в коммуникации третьего лица (косвенного неперсонализованного адресата)	[0; 1]	
В	Доступность	Потенциальная возможность третьего лица принять участие в коммуникации (воспринять информацию) в качестве косвенного неперсонализованного адресата, присутствующего	[0; 1]	Σ1

С	Основания ограничения	Ограничение доступа к коммуникации третьих лиц по личным основаниям	[0; 1]	$\Sigma 0$
Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma ABC = 1$, при $\Sigma A = 0$, $\Sigma B = 1$, $\Sigma C = 0$				

Вторая глава «Параметризация рисков, связанных с распространением порочащих сведений и совершением клеветы» открывается § 2.1. «Общие замечания».

Для констатации факта правонарушения, предусмотренного ст. 152 ГК РФ или ст. 128.1 УК РФ РФ, необходимо наличие следующих условий (в их совокупности): (1) оспариваемая информация распространена; (2) информация характеризует пострадавшее лицо; (3) информация является сообщением сведений, а не выражением мнения автора; (4) данные сведения не соответствуют действительности; (5) информация носит порочащий характер.

В §2.2. «Параметризация сведений и оценок» описываются процедуры дифференциации сведений о фактах и оценочной информации.

В судебно-экспертной практике наметились четыре параметра для разграничения выражения мнения и сообщения сведений: лексико-грамматический, стилистический, прагматический и верификационный.

Суть лексико-грамматического параметра сводится к поиску в конфликтном высказывании экспликаторов модальной рамки типа *мнение* (в терминологии А. Вежбицкой), выраженной словами-маркерами, эксплицитно указывающими на то, что передаваемая информация является результатом психо-когнитивных операций автора (предположений, прогнозов, умозаключений, суждений, выводов). Наличие в тексте элементов «по моему мнению», «мне кажется», «думается», «могу предположить», «я предполагаю» и подобных, однозначно указывает на то, что фрагменты текста, с которыми семантически связаны данные слова, являются выражением мнения.

Лексико-грамматическим параметром также охватываются случаи использования в конфликтном высказывании указателей на *бессубъектное предположение*: «вероятно, что X» (*Вероятно, рабочим не выплатят зарплату*); «высока вероятность, что X» (*Высока вероятность, что банк откажется выдать деньги*); «прогноз таков, что X» (*Прогноз развития предприятия негативен*). Такого рода высказывания описывают возможное положение вещей. Формально-логически высказывания данного типа содержат информацию о чем-либо предположении, ибо предположение не может существовать объективно, отдельно от субъекта мысли и оценки. Однако на вербальном уровне авторство данной гипотезы остается невыраженным. С лингвистической точки зрения субъективность передаваемой информации выражается бессубъектно. По всей видимости, такое правило распространяется на случаи, когда оспариваемая информация содержится в тексте, озаглавленном словом-маркером типа *прогноз, гипотеза, легенда*: в данном слу-

чае будет работать принцип наследования модальности композиционно включающего элемента текста элементом, композиционно включаемым.

Стилистический параметр реализуется в случаях, когда в конфликтном высказывании используются риторические приемы – изобразительные средства, выражающие авторскую оценку предмета речи при отсутствии лексически выраженных маркеров субъективности. В этом случае эксперт-лингвист производит деконструкцию конфликтного высказывания с целью дифференциации сведений и оценок, синтезированных в ходе использования риторических приемов. Методологическим основанием такого направления анализа является общепринятое в современной лингвистике допущение о том, что любая предиктирующая номинация (в том числе высказывание) семантически сложнее идентифицирующего, поскольку выражает идентифицирующее (пропозиционное) значение, осложняя его предикатной (модальной) составляющей. Иными словами, в любом высказывании, в котором реализованы экспрессивные риторические приемы, теоретически устанавливается пропозициональное содержание, которое по своей природе наиболее точно соответствует юридическому понятию *сведения*.

Наиболее спорным и сложным в реализации является **прагматический параметр**, суть которого заключается в учете интенций и компетенций адресата и адресанта. Реализация данного параметра на практике связана с массой трудностей. Лингвист по многим направлениям ограничен в выборе исследовательских техник. Так, использование эксперимента в виде опроса не допускается судом в связи с тем, что к разбирательству фактически привлекаются лица, процессуальный статус которых не установлен: в терминах процесса участники эксперимента не являются ни свидетелями, ни потерпевшими, следовательно, апеллировать к мнению данных лиц невозможно. Кроме этого, проведение эксперимента может быть квалифицировано судом как попытка эксперта собрать какие-либо доказательства самостоятельно, что прямо запрещено действующим процессуальным законодательством: эксперт оценивает лишь те материалы, которые переданы ему следствием либо судом. Экспериментальные данные – это новый материал, полученный экспертом самостоятельно и не приобретенный к материалам дела в надлежащем порядке. Наконец, выбор респондентов – это наиболее спорный и уязвимый момент: лингвист не в состоянии составить идеальную референтную группу, реализующую строго типичное восприятие конфликтного текста – например, определенной телепередачи или газеты. Как результат, экспериментальный метод экспертами чаще всего не используется.

Однако не меньше трудностей возникает и в связи с аналитическим подходом при использовании прагматического параметра для разграничения сведений и оценок в конфликтном тексте. Прогнозирование алгоритмов восприятия информации требует учета массы факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Лингвист может учесть характер издания, в котором опубликован конфликтный текст, и личность автора конфликтного текста – это наиболее простые этапы работы, не вызывающие воз-

ражений у правоприменителя. Однако для правильного прогнозирования речевого поведения адресата требуется учет информационного фона – качества и количества информации, циркулировавшей в лингвокультуре на момент публикации конфликтного текста. Однако выборка и анализ «фоновой» информации является недопустимой исследовательской процедурой, расцениваемой как самостоятельный сбор доказательств, на который эксперт не имеет права.

Несколько отдельно должен быть описан **верификационный параметр**. Данный параметр не является в строгом смысле лингвистическим, и существуют теоретические возражения относительно введения *верифицируемости высказывания* в круг предметов исследования эксперта-лингвиста, состоящие в том, что категории проверяемости не является имманентной характеристикой языкового высказывания. Несмотря на имеющие затруднения теоретического характера, нельзя отрицать, двух вещей: во-первых, верификационный параметр необходимо применять, теоретически обосновывать и методологически совершенствовать, поскольку он предусмотрен правоприменителем и игнорировать этот факт судебных эксперт не может; во-вторых, какая бы методология не легла в основу параметризации верифицируемости высказывания, лингвистический анализ является важной составной частью работы при использовании данного параметра, этот факт также не может быть проигнорирован экспертом-лингвистом.

Способность информации быть проверенной на предмет соответствия действительности позиционируется как отличительный признак сведений о фактах и событиях, при этом оценки и мнения проверены быть не могут. Под проверяемостью, по всей видимости, подразумевается не экспериментальная, а аналитическая операция – *установление достаточности условий для референции*. Иными словами, проверяемость на предмет соответствия действительности как свойство содержания высказывания характеризуется *возможностью извлечь из высказывания такое количество информации, которое позволит смоделировать событие и/или факт, обладающие измеряемыми и идентифицируемыми атрибутами*. Измеряемым атрибутам могут относиться количества, размеры, степени, скорость, длительность и т. п. К идентифицируемым атрибутам (то есть выделяемым из круга однотипных и индивидуализируемым) – конкретные лица, предметы, признаки, процессы, состояния, временная и пространственная локализация.

Необходимость жесткого разграничения сведений и мнений проистекает из законной нормы – диспозиций ст. 152 ГК РФ, ст. 128.1 УК РФ. При этом **разграничение сведений о фактах и сведений о событиях** в первом приближении кажется излишним. Однако на практике необходимость в методичном проведении границы между указанными типами семантики возникает. Это происходит по причине глубокого различия между механизмами верификации сведений о факте и сведений о событии в практике правоприменения: верификация сведений о событии осуществляется путем референции в область *объективных процессов (Он украл)*, а верификация факта – пу-

тем референции в область *объективированных оценок* (*Он прогульщик*). *Объективированная* оценка достаточно четко дистанцируется от *необъективированной* оценки: объективированная оценка дается в соответствии с какой-либо *кодифицированной нормой* и на основании *кодифицированного регламента*. В качестве примера может служить сфера права: кодифицированная норма – понятие о мошенничестве, прописанное в диспозиции ст. 159 УК РФ, кодифицированный регламент – уголовно-процессуальное законодательство, устанавливающее порядок следствия, судебного разбирательства и вынесения приговора. Высказывание «*Смирнов – прогульщик*» выражает оценку, общую квалификацию поведения конкретного лица. Оценка некоего лица как прогульщика является объективированной, поскольку в экстралингвистической действительности существует кодифицированная норма – понятие *прогул* и кодифицированный регламент констатации прогула лицом, наделенным полномочиями по оценке студента – преподавателем или представителем деканата.

Установление логической взаимосвязи между явлениями и событиями – ментальная операция, осуществляющаяся в человеческом сознании. Строго говоря, информация о наличии между событиями причинно-следственных отношений является сведениями о факте ментальной реальности, об имевшем место умозаключении субъекта речи. Существует одно исключение из данного правила, основанное на рассмотренном выше принципе референции в область объективированных оценок: информация о фактах ментальной реальности (умозаключениях, выводах) является сведениями о верифицируемом факте в том случае, когда в отношении данной информации об умозаключении или выводе выполняется правило референции в область объективированных оценок. Иными словами – когда вербальное выражение данного умозаключения сделано с опорой на кодифицированное понятие (термин), в отношении которого в экстралингвистической реальности существует кодифицированный регламент. В высказывании «*Авария произошла из-за ремонтных работ, проводимых районным РЭУ*» использован термин *авария*, в отношении которого существует регламент установления причин, осуществляемого компетентными специалистами надзорных органов. Следовательно, умозаключение о причине аварии является потенциально актируемым, то есть объективируемым в виде акта, издаваемого на основании существующего кодифицированного регламента, а вербализованная информация о такого рода умозаключении является для правоприменителя верифицируемой.

Характер умозаключения, на котором основано высказывание, не имеет значения, если субъект речи ввел в высказывание маркер субъективности. Высказывание «*Мне кажется, что авария произошла из-за ремонтных работ, проводимых районным РЭУ*» отличается от высказывания «*Авария произошла из-за ремонтных работ, проводимых районным РЭУ*» тем, что в первом случае говорящий указывает, что умозаключение выполнено субъективно, то есть не основано на существующих кодифицированных регламентах.

Нерегламентированность данного умозаключения является предустановленной и манифестированной в высказывании.

Несколько иной случай представляет собой высказывание *«Петров подал заявление об увольнении по собственному желанию из-за нареканий со стороны начальства»*. Данное высказывание содержит информацию о двух событиях, каждое из которых является верифицируемым – Петров подал заявление об уходе по собственному желанию, в адрес Петрова со стороны начальства были нарекания. Однако в суде может оспариваться информация не об указанных событиях, а о факте наличия причинно-следственной связи между поступком Петрова и наличием в его адрес нареканий. Истец утверждает, что покинул работу по причине того, что она перестала приносить ему удовлетворение. По мнению истца, информация о том, что он покинул пост из-за чьих-то нареканий, ставит под сомнение его психологическую устойчивость и унижает его достоинство. Простой семантический анализ высказывания позволяет заключить, что в нем сообщается о логике принятия Петровым решения, то есть о факте установления Петровым причинно-следственной связи между нареканиями, прозвучавшими в его адрес, и решением писать заявление об уходе. Процесс принятия решения при написании заявления об увольнении в экстралингвистической действительности не регламентирован, не существует процедуры, в рамках которой активируется логика принятия решения человеком, пишущим такого рода заявление. В связи с этим информация, содержащаяся в высказывании, признается правоприменителем неверифицируемой.

Таким образом, формально-логически и лингвистически идентичные высказывания *«Авария произошла из-за ремонтных работ, проводимых районным РЭУ»* и *«Петров подал заявление об увольнении по собственному желанию из-за нареканий со стороны начальства»* с точки зрения правоприменителя оказываются противоположными. Формально-логическая и лингвистическая интерпретация высказывания рассматривается правоприменителем с учетом такого экстралингвистического фактора, как регламентированность / нерегламентированность определенного вида деятельности и кодифицированность / некодифицированность данного регламента.

В §2.3. *«Параметризация порочащего характера информации»* описываются процедуры экспертной идентификации порочащего характера сведений с опорой на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (№ 3 от 24.02.2005).

В §2.4. *«Параметрическая судебно-лингвистическая модель сведений порочащего характера, клеветы»* описана результирующая модель.

В ходе исследования установлено четыре рабочих параметра, по которым могут быть дифференцированы сведения и оценки (мнения), а также два рабочих параметра, по которым идентифицируется порочащий характер сведений. Параметризация вербальной составляющей правонарушения предполагает построение двух основных моделей – *модели сведений* и *модели информации порочащего характера*.

Среди всех параметров, по которым могут дифференцироваться сведения и оценки, прагматический параметр является наиболее спорным и наименее практичным. Использование данного параметра связано с подключением трудоемких аналитических методик (эксперимента, опроса, статистического анализа), при том, что результаты, полученные при применении данного параметра, не вызывают у правоприменителя доверия. По этим причинам введение прагматического параметра в результирующую параметрическую модель нецелесообразно.

Итоговая параметрическая модель сведений о фактах и событиях включает три параметра (см. таблицу 3).

Таблица 3. Параметрическая судебно-лингвистическая модель сведений о фактах и событиях (первый этап идентификации сведений порочащего характера / клеветы)

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра
А	Лексико-грамматический	Маркеры субъективности, синтаксически связанные с конфликтным компонентом высказывания	0	Σ 0
		Тематическая часть вопросительного предложения, включающая конфликтный компонент высказывания	0	
В	Стилистический	Пропозиционально-диктумная семантика конфликтного компонента высказывания	1	Σ 1
С	Верификационный	Выводимость из высказывания облигаторной вербализуемой информации о положении вещей и/или процессах, характеризующейся идентифицируемыми и измеряемыми атрибутами, достаточными для реконструкции конфликтного компонента семантики	1	Σ [1; 2]
		Выводимость из высказывания облигаторной вербализуемой информации об объективированной оценке положения вещей или процесса, составляющих конфликтный компонент семантики	1	
<p>Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma ABC = [2; 3]$, при $\Sigma A = 0$, $\Sigma B = 1$, $\Sigma C = [1; 2]$</p>				

При идентификации порочащего характера сведений имеют значение два параметра – параметр типа сведений и параметр вероятных последствий (см. таблицу 4).

Таблица 4. Параметрическая судебно-лингвистическая модель информации порочащего характера (второй этап идентификации сведений порочащего характера / клеветы)

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра
А	Тип сведений	Сведения содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота	1	$\Sigma 1$
В	Вероятные последствия	Сведения умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица	1	$\Sigma 1$
Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma AB = 2$, при $A = 1, B = 1$.				

Третья глава «Параметризация рисков, связанных с совершением оскорбления» открывается §3.1. «Общие замечания», содержащим вводные данные.

В §3.2. «Параметризация унижения чести и достоинства» описаны экспертные процедуры установления «унижающего» характера высказывания.

В соответствии с диспозицией ст. 5.61 КоАП «оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Следовательно, высказывание квалифицируется как оскорбление в случае выполнения двух условий: высказывание потенциально унижает честь и достоинство другого лица; высказывание неприлично по своей форме.

За унижающее честь и достоинство принимается высказывание, в котором образ объекта атрибуции (оцениваемого лица) корректируется в худшую

сторону. При этом сама по себе выраженная адресованность инвективного высказывания не способна корректировать образ респондента ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Корректировка образа респондента (или, шире, объекта вербальной оценки) осуществляется путем отрицательной атрибуции, которая может быть прямой (характеристика объекта в целом) и косвенной (характеристика части тела объекта, его поступка, свойства), эксплицитной (прямая предикация) и имплицитной (ассоциируемая предикация). Каждый из отмеченных типов атрибуции в равной степени корректирует образ объекта атрибуции (см. таблицу 5).

Таблица 5. Комплексная типология механизмов инвективной атрибуции

	эксплицитная	имплицитная
прямая	Z – это X Да ты б****, вот ты кто.	Y – это X, Y = Z, Y – это Z Странно, что я тебя тут вижу. Раньше б**** отлавливали да высылали за сто первый.
косвенная	X – признак Z Не хочу на твою б****кую рожку глядеть.	X – признак Y, Y = Z, X – признак Z Вчера она уговаривала меня подписать бумагу. Но вы же знаете, на б****кие штучки я не реагирую.

Открытым остается вопрос о содержании атрибуции. В диссертации обосновывается, что наличие в высказывании инвективы, атрибутирующей адресата, является достаточным основанием для признания высказывания унижающим честь и достоинство адресата, поскольку образ объекта атрибуции корректируется в худшую сторону.

Эффект корректировки образа объекта атрибуции за счет статусного понижения данного объекта имеет для оскорбления конститутивное значение и отличает оскорбление от опорочения, клеветы. В качестве примера могут служить два варианта реализации пропозиции *X украл Y* на уровне поверхностного синтаксиса: (1) *Трудно поверить в такой беспредел: директор украл деньги предприятия*, (2) *Трудно поверить в такой беспредел: директор сп**дил деньги предприятия*. Первое высказывание могло бы составить объективную сторону клеветы, поскольку содержит сведения о нарушении гражданином действующего законодательства. В анализируемом случае, безусловно, имеет место корректировка образа объекта атрибуции – за счет сведений о совершении отрицательного поступка, а также отрицательной оценки говорящего, выраженной лексемой *беспредел*. Однако статусного понижения объекта атрибуции не происходит. Иное наблюдаем во втором высказывании: корректировка образа объекта атрибуции выполняется с понижением статуса данного объекта относительно говорящего. Лексема *сп**дил* привносит в высказывание коннотацию презрения, осмеяния, иронии.

В §3.3. «Параметризация неприличной формы высказывания» описываются экспертные процедуры идентификации неприличной формы.

Категория *приличия* коррелирует с категорией *нормы*, что существенно упрощает проблему, поскольку категория нормы хорошо изучена, дефинирована, в том числе лингвистически. Как известно, нормы в самом общем виде могут быть разделены на 2 группы – кодифицированные и некодифицированные. Первая группа норм фиксирована в лингвистических словарях нормативного типа, сборниках правил правописания. Вторая группа норм формируется не директивно, а синергетично, представляя собой обобщение или неотрефлексированное знание неких сложившихся норм коммуникативного поведения.

Разграничение норм на кодифицированные и некодифицированные делает возможным решить проблему неприличной формы двумя путями: ортологическим и релятивным. **Ортологический** путь решения проблемы приличия языковой формы предполагает ориентацию на общий корпус правил и норм современного русского литературного языка. В общем виде правило выглядит следующим образом: публичная коммуникация осуществляется на литературном языке, нормы литературного языка кодифицированы в словарях литературного языка; лексемы, не содержащиеся в словарях литературного языка, автоматически попадают в группу риска.

Как известно, к элементам литературного языка не относятся грубые просторечия, матизмы, обценизмы. Такого рода лексемы однозначно относятся экспертами к маркерам неприличной формы. Менее решенным является вопрос о невнесенных в словари литературного языка жаргонизмах различного типа (сленг, арг, новояз). У этой проблемы есть и обратная сторона. Немало трудностей вызывают бранные слова, внесенные в словари русского литературного языка. Данные случаи позволяют сделать вывод о несовершенности и недостаточности ортологического подхода при определении приличности или неприличности формы высказывания.

В отличие от ортологического, **релятивный** путь решения проблемы неприличной формы основан на оценке высказывания как конкретного дискурсивного акта относительно конкретных коммуникативных обстоятельств. При анализе высказывания в аспекте коммуникативной ситуации акцент делается на структуре дискурса, взаимосвязи высказываний как дискурсивных актов, формирующих цельное коммуникативное событие. «В ответ на что прозвучала та или иная фраза?»; «Что спровоцировало говорящего так выразиться?»; «Была ли эта речевая реакция адекватной ближайшему контексту и характеру беседы в целом?» – вот основные вопросы, на которые отвечает эксперт, идущих по этому исследовательскому пути.

Наиболее рациональной представляется последовательность решения экспертной задачи, при которой ортологический и релятивный подходы используются попеременно в зависимости от типа коммуникативного события (см. схему 1 в приложении к автореферату).

Как видно из схемы 1, отправным этапом решения экспертной задачи является оценка денотативной ситуации. Принципиальное значение для лингвистической оценки имеет публичный или непубличный статус коммуника-

ции. Данный этап работы может быть выполнен с опорой на разработанную в рамках настоящего исследования параметрическую модель публичной коммуникации. При использовании данной модели на выходе может быть получено два результата – коммуникация публичная или коммуникация непубличная.

На втором этапе целесообразно дать ортологическую оценку высказыванию как таковому, суть данного анализа может быть сведена к стилистической оценке лексем, составляющих высказывания. Наиболее приемлемым для экспертной практики видится словарный подход, основанный на группе наиболее «радикальных» стилистических помет – *бран.*, *руг.*, *груб.-прост.* Таким образом, суть процедуры ортологической оценки высказывания сводится к установлению в высказывании лексико-семантических вариантов лексем, имеющих в словарях какую-либо из указанных помет, либо внесенных в словари бранной лексики, матизмов и обцененизмов. В случае установления таких лексико-семантических вариантов высказывание считается ненормативным.

Совершенно очевидно, что лексико-семантические варианты, имеющие пометы *разг.*, *сниж.*, *жарг.*, *сленг.*, а также ЛСВ, внесенные в словари жаргонов, в силу дискуссионности их статуса к разряду ненормативной лексики относить нецелесообразно, хотя и нормативными данные лексемы признать зачастую нельзя (пример – жаргонизмы). Таким образом, в рамках данной процедуры термины *нормативный* и *ненормативный* приобретают специфическое, точнее – **процедурное судебно-лингвистическое значение**. В судебно-лингвистическом понимании ненормативная лексика – это гораздо более узкая и четкая по составу группа, нежели в общелингвистическом смысле. Необходимо понимать, что любые сужения и конкретизации в понятийно-методологическом аппарате судебной лингвистики обусловлены важным экстралингвистическим фактором: в соответствии с действующим процессуальным законодательством все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. В рассматриваемом случае – в пользу нормативности.

В рамках ортологической оценки высказывания, кроме словарной процедуры, обязательной является процедура *поправки на коммуникативные табу*, поскольку ненормативность и табуированность являются категориями, находящимися в отношении функциональной корреляции. Суть экспертной процедуры сводится к идентификации в лексически нормативном высказывании табуированной семантики. Состав коммуникативных табу не является предписанным, в этом плане табу относится к разряду некодифицированных норм. В современной русской лингвокультуре, как типично европейской и христианской, табуированными являются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации.

Правая ветка алгоритма отличается от левой одним этапом – **процедурой поправки на коммуникативную ситуацию** при оценке ненормативного высказывания и/или высказывания, имеющего табуированную семантику. Суть процедуры заключается в ответе на вопрос, не является ли неприличное

высказывание адекватным конкретной коммуникативной ситуации и ближайшему контексту, то есть *ситуативно приличным*.

С точки зрения структуры коммуникативной ситуации бранное высказывание может быть автономным либо ответным. *Автономное бранное высказывание* не характеризуется каузирующей формально-семантической зависимостью от предыдущего высказывания, то есть данное высказывание лингвистически (формально-семантически) немотивировано. *Ответное бранное высказывание* звучит как реакция на брань, то есть характеризуется формально-семантической мотивированностью. Такого рода случаи укладываются в схему '– Дурак! – Сам дурак!'

Суть поправочной процедуры заключается в отказе эксперта оценивать ответное высказывание, ставшее предметом судебного разбирательства, на соответствие нормам приличия в рассматриваемой ситуации. Приемлемым видится вывод эксперта, сформулированный следующим образом: «*Высказывание не может быть оценено на предмет приличности / неприличности формы*». Такой вывод имеет под собой лингвистическое основание, заключающееся в том, что ответное высказывание не является цельным коммуникативным актом. Синтаксические, семантические и прагматические характеристики любого ответного высказывания (не только бранного) зависят от связей, устанавливаемых между репликой-стимулом и репликой-реакцией. По этой причине ответное бранное высказывание не может само по себе быть оценено как приличное или неприличное. Такая оценка может быть выполнена в отношении стимульного и ответного высказываний в их совокупности. В этом случае предметом экспертной оценки является весь комплекс 'стимул → реакция'.

В ситуации взаимной брани акт нарушения норм приличия совершается в момент произнесения *первичного* бранного высказывания, именно оно, образно выражаясь, пересекает границу нормы и выводит коммуникативное событие в целом за пределы нормативности. Для *ответного* бранного высказывания оценка в терминах *приличное / неприличное* становится неактуальной, поскольку данное высказывание не является самостоятельным носителем признака *нормативности / ненормативности*, этот признак наследуется ответным бранным высказыванием от стимульного высказывания, то есть ответное бранное высказывание принимает нормативно-стилистические признаки инерционно, не являясь их источником и полноценным носителем.

Если представить все изложенное схематично, можно сказать, что неприличной формой характеризуется стимульно-ответная конструкция 'X! – Сам ты X!' в целом. Однако в практике правоприменения такая конструкция не может быть рассмотрена в целом, поскольку она включает два высказывания, произнесенные двумя разными субъектами речи и субъектами права, действиям каждого из которых должна быть дана самостоятельная оценка. Учитывая данное требование, экспертный вывод может быть дополнен следующим образом: «Стимульно-ответная конструкция 'X! – Сам ты X!' является неприличной, при этом моментом нарушения коммуникативных норм

приличия является высказывание *X*, а высказывание *Сам ты X!* не может быть оценено на предмет приличности / неприличности».

Рассмотренный вариант решения экспертной задачи имеет три ограничения: по полноте ответственности, типу субъектно-объектной организации и уровню публичности.

В диалоге *Ты говнюк!* – *Сам ты козёл!* второе бранное высказывание является соразмерно ответным. *Соразмерно ответным* является высказывание, устанавливающее с предыдущим высказыванием-стимулом отношения синтаксической, семантической и композиционной корреляции при соблюдении стилистического паритета. *Несоразмерно ответным* является высказывание, устанавливающее с предыдущим высказыванием-стимулом отношения синтаксической, семантической и композиционной корреляции в условиях стилистического диспаритета.

Однако разработанная процедуры поправки на коммуникативную ситуацию может быть применена лишь при анализе приватной коммуникации. Публичная коммуникация требует совершенно иного подхода. В лингвистическом отношении публичная коммуникация полиситуативна, в ней развивается *фактическая коммуникативная ситуация*, которая формируется взаимодействием между лицами, вступившими в речевую коммуникацию, а также *рамочная коммуникативная ситуация*, которая формируется оценкой фактической коммуникативной ситуации и действий каждого из коммуникантов *обществом*. Итак, если один из участников публичной коммуникации допустил неприличное бранное высказывание, а второй участник ответил соразмерно, то событие нарушения нормы состоялось дважды. В условиях фактической коммуникативной ситуации ответное бранное высказывание означает согласие второго коммуниканта на снижение стилового регистра коммуникации и принятие сниженных норм коммуникации, предложенных первым коммуникантом. Однако с позиций рамочной коммуникативной ситуации необходимо учитывать точку зрения общества как полноправного субъекта коммуникации. В отличие от физических участников коммуникации, способных *по взаимному согласию* снизить стилового регистр коммуникации, незримо присутствующее при коммуникации общество не может идти на нормативные компромиссы, являясь носителем относительно стабильной системы норм. Следовательно, в условиях публичной коммуникации каждое бранное высказывание (и стимульное, и ответное) будет оцениваться с позиций неизменной в данный момент времени общественной нормы, которую невозможно отменить или снизить по соглашению участников коммуникации.

Аналогичным образом присутствие общества при коммуникации оказывает влияние на характер вреда, взаимно наносимого бранящимися. Выше говорилось о том, что событие оскорбления связано с глубокой психологической травмой, наносимой потерпевшему неприличным высказыванием, унижающим честь и достоинство. В унижающем высказывании содержится инвективная атрибуция потерпевшего, корректирующая его образ в худшую

сторону за счет статусного понижения относительно говорящего. В ситуации взаимной брани автор первого бранного высказывания статусно понижает образ адресата относительно себя, в ответ автор второго бранного высказывания предпринимает симметричный шаг, также статусно понижая образ первого участника коммуникации. В итоге оба участника коммуникации статусно *выравниваются* и основания для констатации унижения чести и достоинства исчезают. Однако все это справедливо для непубличной коммуникации. В условиях публичной коммуникации возникает рамочная коммуникативная ситуация, в пределах которой каждый адресат неприличного высказывания, унижающего честь и достоинство, статусно понижается не только относительно говорящего, но и относительно общества. Если относительно говорящего статусное понижение может быть уравновешено ответным статусным понижением, то относительно общества статусное понижение необратимо, поскольку ни само общество, ни участники коммуникации не могут понизить статус общества. Это означает, что эффект статусного понижения относительно общества сохраняется. Следовательно, взаимная брань в условиях публичной коммуникации представляет собой два события унижения чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме.

В §3.4. «*Параметрическая судебно-лингвистическая модель оскорбления*» описана результирующая модель.

В связи с особенностями решения экспертной задачи при оценке высказывания на предмет соответствия нормам приличия есть необходимость в моделировании трех параметрических моделей – для публичной коммуникации (таблица 6) и непубличной коммуникации, последнем случае различая две подмодели – для вербальной характеристики 3-го лица и вербальной характеристики 2-го лица (таблица 7), поскольку набор параметров, применяемых для описания зон риска, в каждом из случаев отличается. В автореферате модель для вербальной характеристики 3-го лица в непубличной коммуникации опускается в силу схожести с моделью, выстроенной для публичной коммуникации. Кроме того, в автореферате опускаются модели, выстроенные для описания риска совершения «специального» оскорбления (представителя власти, судьи, военнослужащего).

Таблица 6. Параметрическая судебно-лингвистическая модель оскорбления другого лица в публичной коммуникации

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра
А	Атрибутивность	Корректировка образа другого лица в худшую сторону посредством статусного понижения относительно говорящего	[0; 1]	Σ1

В	Ненормативность	Содержание ЛСВ, имеющих в лингвистических словарях пометы <i>бран., руг., груб.-прост.</i> или внесенных в словари бранной лексики, матизмов и обсценизов	[0; 1]	$\Sigma [0; 1]$
С	Табуированность	Содержание образов телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации	[0; 1]	$\Sigma [0; 1]$
<p>Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma ABC = [2; 3]$, при $\Sigma A = 1$, $\Sigma B = [0; 1]$, $\Sigma C = [0; 1]$</p>				

Таблица 7. Параметрическая судебно-лингвистическая модель оскорбления в негубличной коммуникации

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра
А	Атрибуированность	Корректировка образа 3-го лица в худшую сторону посредством статусного понижения относительно говорящего	[0; 1]	$\Sigma 1$
В	Ненормативность	Содержание ЛСВ, имеющих в лингвистических словарях пометы <i>бран., руг., груб.-прост.</i> , или внесенных в словари бранной лексики, матизмов и обсценизов	[0; 1]	$\Sigma [0; 1]$
С	Табуированность	Содержание образов телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации	[0; 1]	$\Sigma [0; 1]$
Д	Ответность	Соразмерная ответственность	0	$\Sigma 0$
<p>Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma ABC = [2; 3]$, при $\Sigma A = 1$, $\Sigma B = [0; 1]$, $\Sigma C = [0; 1]$, $\Sigma D = 0$</p>				

Четвертая глава «Параметризация рисков, связанных с совершением преступлений экстремистской направленности» открывается §4.1. «Общие замечания».

В §4.2. «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» содержится описание призыва как коммуникативного и правового события, строится судебно-лингвистическая параметрическая модель призыва.

С когнитивной точки зрения успешный призыв формирует в сознании адресата речи картину действия, к которому осуществлен призыв, то есть образ базового фрейма SPO (субъект – действие – объект). Важнейшим условием успешности призыва как коммуникативного события является согласие адресата речи с ролью S (исполнителя действия, к которому осуществлен призыв) при заполненности слотов P и O (ясном осознании способа совершения действия и объекта действия).

Вербальная составляющая успешного призыва в наиболее общем виде характеризуется следующими лингвистическими признаками:

- 1) наличие в высказывании *вербального императива* (И);
- 2) наличие в высказывании *образа способа совершения действия* (Д);
- 3) наличие в высказывании *образа объекта действия* (О);
- 4) наличие в высказывании *образа адресата* (А).

Вербальный императив является элементом речи с побудительным значением. Данный элемент может быть выражен императивной формой глагола или семантически эквивалентными формами.

Образ способа совершения действия может иметь широкий диапазон конкретности – от нулевой до максимальной. Нулевой образ способа совершения действия имеет место при призывных конструкциях, содержащих «чистое» побуждение. Например: *Русский, решайся! Давай же, вперед!* В приведенном высказывании вербальный императив сочетается с семантической неконкретностью (нулевой конкретностью). В этом случае успешность призыва оказывается под вопросом, поскольку высказывание не содержит оснований для заполнения слотов базового фрейма SPO. Даже при внутреннем согласии адресата речи с самоидентификацией 'Я = S' (*да, я тот самый русский, к которому обращаются*), отсутствие вербальных оснований для заполнения слотов P и O делает призыв неуспешным (*Что же именно делать, на что решаться?*). В такой ситуации большую роль может сыграть контекст: при наличии невербальных стимулов, детерминирующих ассоциативную деятельность адресата (изображений, фоновых событий), фрейм SPO может дозаполниться, повышая успешность призыва.

Максимальная конкретность образа способа совершения действия достигается при использовании глаголов с конкретным значением («*Выгнать их с рынка!*», «*Ты их пинай ногами!*»; «*Не пускайте их на избирательные участки, там место только русским!*»). Конкретизация призыва может происходить аналитическим путем, когда побудительная и конкретно-лексическая семантика реализуются в разных частях высказывания или в разных высказываниях, связанных на грамматическом и/или ассоциативно-композиционном уровне («*Русский, действуй!* Настало время *посадить* всех инородцев *на поезда* до границы!»).

В судебной лингвистике степень конкретности образа способа совершения действия, по всей видимости, должна измеряться не только *семантически* – по уровню абстракции семантики лексемы, обозначающей данный способ совершения действия, но и *квалификационно* – по достаточности /

недостаточности оснований для идентификации квалифицирующего способа совершения действия (насильственные действия, действия, ограничивающие теракта и т. п.), то есть способа совершения действия, интерпретируемого в терминах ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ. Так, с общелингвистической точки зрения призыв «*Во имя Всевышнего, окажите материальную поддержку нашей организации*» является неконкретным, поскольку словосочетание *оказать материальную поддержку* в минимальном контексте имеет неограниченно большой интерпретативный потенциал. Однако при судебно-лингвистической оценке данного призыва указанная степень конкретности является достаточной, поскольку позволяет соотнести номинированное действие с одним из видов деятельности, перечисленных в п. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» («финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации»).

Образ объекта действия, как и образ способа совершения действия, может иметь разную степень проявления – от нулевой до максимальной. Нулевая степень проявления образа объекта действия может усматриваться в призывных высказываниях типа *Русский, решай! Все на борьбу!* В такого рода случаях нулевой образ объекта действия совпадает с лексическим нулем, то есть с отсутствием в высказывании лексического репрезентанта предмета / существа / явления, на который может быть направлено действие. Однако нулевой образ объекта действия имеет место и при наличии в высказывании лексического репрезентанта объекта действия – лексемы с абстрактной семантикой в условиях минимального контекста. Ярким примером такого рода призыва является плакатное высказывание, получившее распространение в блогосфере рунета – *Долби систему!* Примерами призывов, содержащих конкретный образ объекта действия могут служить высказывания *Очисти стану от иноверцев! Бей хачей!* По аналогии со способом совершения действия в ходе судебно-лингвистического анализа степень конкретности образа объекта действия, по всей видимости, должна измеряться не только семантически, но и квалификационно – по достаточности / недостаточности оснований для идентификации квалифицирующего объекта в терминах законодательства об экстремизме.

Образ адресата в успешном призыве всегда равен адресату речи – декларированному или фактическому. При несовпадении образа адресата призыва и фактического адресата (или при отказе фактического адресата соотносить себя с образом адресата призыва) коммуникативный акт становится неуспешным. При этом на уровне локуции образ адресата призыва может характеризоваться как нулевой, так и максимальной конкретностью. Примером призывов, содержащих образ адресата с убывающей степенью конкретности, может служить следующий ряд: «*Русский, решай!*», «*Гражданин, защити свои права!*», «*Скажи власти свое "нет"!*», «*Вперед, на баррикады!*». В отличие от образа способа совершения действия и образа объекта действия, об-

раз адресата не характеризуется какими-либо квалификационными признаками.

Наработанная экспертная практика позволяет утверждать, что в реальной коммуникации призывные высказывания не всегда соответствуют предложенной четырехкомпонентной модели призыва. Данная модель может реализоваться как полно, так и частично. Возможна следующая *парадигма вариантов реализации модели призыва*:

- 1) А – Д – О – И (сильный полный);
- 2) А – Д – О – И (сильный действенно-объектный);
- 3) А – Д – О – И (слабый объектный призыв);
- 4) А – Д – О – И (слабый действенный призыв);
- 5) А – Д – О – И (слабый адресатный призыв);
- 6) А – Д – О – И (слабый адресато-объектный призыв);
- 7) А – Д – О – И (слабый адресато-действенный).

Необходимо сразу уточнить, что термин «сильный» применительно к призыву употребляется в специальном судебно-лингвистическом смысле – как указатель на возможность однозначной квалификации призыва в терминах закона (ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ). При этом под «силой» призыва не подразумевается его суггестивность или эффективность в силу отсутствия в диспозиции законодательных актов маркеров данных характеристик призывного высказывания, то есть в силу их неактуальности для закона.

Итак, **сильным** является полный призыв, в котором эксплицитно реализованы все четыре компонента – вербальный императив, образ объекта действия, образ способа совершения действия и образ адресата. Дальнейшие варианты реализации модели предполагают «выпадение» одного или нескольких компонентов схемы. При этом необходимо сделать две оговорки. Во-первых, предложенная модель не допускает «выпадения» вербального императива (И), поскольку без данного компонента высказывание не может быть доказательно квалифицировано как призыв (случаям косвенных и скрытых призывов оценка будет дана ниже). Во-вторых, «выпадение» образа адресата не снижает силу призыва, поскольку адресованность призыва не коррелирует с каким-либо квалификационным признаком призыва, закрепленным в диспозиции ст. 280 УК РФ.

Нестабильность на уровне главного компонента призыва – вербального императива – приводит в трансформации высказывания на типологическом уровне как в лингвистическом, так и в юридическом аспекте. Нестабильность может заключаться в замене вербального императива на мягкое волеие, выраженное вопросом-рекомендацией (*Не стоит ли начать борьбу?*), утверждением необходимости действий (*Необходимо собраться на митинг у здания администрации*) или обоснованием действий, выраженным как развернутой аргументацией, так и простым указанием на правильность или своевременность неких действий (*Настал час прекратить этот беспредел; Единст-*

венный выход для нас сейчас – заблокировать избирательный участок). С лингвистической точки зрения, такие акты мягкого воления обладают признаками эксплицитного вербального побуждения к действиям, то есть призыва или побуждения – в широком смысле.

С формально-семантической точки зрения, высказывания, выражающие мягкое воление, отличаются от призывов отсутствием системных императивов – лексических, грамматических или структурных компонентов, выражающих побудительное значение регулярно. Высказывания, содержащие вербальный императив, и высказывания, выражающие мягкое воление, хотя и являются призывами в широком смысле, но должны быть четко дистанцированы как принципиально разные типы призыва. В первом случае можно говорить о *прямом* призыве, во втором – о *косвенном* призыве. При всем типологическом различии прямой и косвенный призывы демонстрируют схожесть как по структуре высказывания, так и по структуре парадигмы варьирования.

Прямой и косвенный призывы совокупно могут быть противопоставлены призыву, который отличается не способом реализации модели А–Д–О–И, а самой моделью образования. В судебной практике часто приходится сталкиваться с текстами, в которых деятельные стимулы реализуются исключительно на уровне подтекста и могут быть распознаны адресатом только интуитивно. Иными словами, тексты не содержат ни прямых, ни косвенных призывов, но при восприятии текста интуиция адресата распознает некие стимулы. Тексты такого типа содержат информацию, подталкивающую, подстрекающую к каким-либо действиям, направленно формирующую у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Такие тексты нередко дают развернутую программу действий, к которым подстрекают, т.е. автор программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевой манипуляции сознанием, воздействия на психику, подсознание читателя или слушателя. К такого рода случаям целесообразно применять термин **скрытый призыв**, противопоставляя их **открытому призыву** – прямому и косвенному.

С процедурной точки зрения, квалифицированным как «призыв к экстремистской деятельности» может быть только *открытый прямой сильный призыв*, поскольку данный вид призыва обладает объективированными, проверяемыми признаками призыва. Установление призыва в данном случае не требует применения узкоспециальных технологий, неклассических научных методов, по результатам применения которых могут быть получены выводы, не отвечающие принципу проверяемости и воспроизводимости. По указанным выше причинам в параметрическую модель целесообразно закладывать характеристики открытого прямого сильного призыва.

Таблица 8. Параметрическая судебно-лингвистическая модель экстремистского призыва

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Структурные параметры (группа А)				
A1	Открытость	Наличие / отсутствие в конфликтном тексте высказывания (группы смежных высказываний), построенного по схеме призыва (совокупно реализующих схему призыва)	[0; 1]	Σ1
A2	Прямота	Наличие / отсутствие в конфликтном высказывании вербального императива	[0; 1]	Σ1
Семантические параметры (группа В)				
B1	Образ способа совершения действия	<ul style="list-style-type: none"> – насильственные действия (1); – террористическая деятельность (1); – нарушение прав, свободы и законных интересов (1); – воспрепятствование, соединенное с насилием либо угрозой его применения (1); – совершение преступлений (в т.ч. убийства, причинения вреда здоровью, побоев, хулиганства, вандализма и т.д.) (1); – пропаганда и публичное демонстрирование (1); – организация, подготовка, подстрекательство (1); – финансирование либо иное содействие в организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг (1); 	[0; 8]	Σ[1; 8]

B2	Образ объекта действия	<ul style="list-style-type: none"> – существующий конституционный строй (1); – население (1); – человек и гражданин в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (1); – избирательные права граждан и право на участие в референдуме или нарушение тайны голосования (1); – законная деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций (1); – человек как представитель политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы / предмет как атрибут политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы (1); – нацистская атрибутика или символика либо атрибутика или символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (1) 	[0; 7]	Σ[1; 7]
<p align="center">Квалификационная сумма показателей параметров: ΣA1A2B1B2 = [4; 17], при ΣA1 = 1, ΣA2 = 1, ΣB1 = [1; 8], ΣB2 = [1; 7]</p>				

В §4.3. «Возбуждение ненависти и вражды» содержится описание возбуждения ненависти и вражды как коммуникативного и правового события, строится судебно-лингвистическая параметрическая модель.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», «под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц».

Кажется достаточно очевидным, что лингвистическая идентификация «обоснования действий» должна происходить с опорой на понятие аргументации. Для решения узких задач судебной лингвистики представляется достаточным выделение трех типов аргументов, коррелирующих с понятием «обоснование»: логический аргумент, оценочный аргумент и прецедентный аргумент.

Логический аргумент выстраивается по общей схеме *Делать X, поскольку это следует из Y*. Таким образом, говорящий апеллирует к причинно-следственным связям событий и явления. **Оценочный аргумент** строится по общей схеме *Делать X хорошо*. Говорящий формирует положительный образ желаемого действия, атрибутируя данное действие субъективно-оценочными характеристиками. **Прецедентный аргумент** строится по общей схеме *Делать X, потому что так делал Y*. Говорящий формирует положительный образ желаемого действия, атрибутируя данное действие параллелью (связью, аналогией) с неким авторитетом (лицом, событием, эпохой). В реальной коммуникации перечисленные типы аргументов реализуются не в чистом виде, представляя собой случаи двойной и тройной аргументации. Так, в высказывании *«Изгнание этой нечисти станет достойным ответом расовой угрозе в духе наших великих предков»* реализован аргумент к логике (нечисть представляет собой расовую угрозу, следовательно, ее нужно изгнать), аргумент к авторитету (параллель с предками) и аргумент к оценке (достойный ответ).

В отличие от обоснования действий, утверждение необходимости действий не так однозначно подводится под какую-либо общепринятую лингвистическую категорию (жанр речи, тип речевых действий и т. д.). По всей видимости, говоря об идентификации утверждения необходимости действий методами судебной лингвистики, следует говорить о наличии в конфликтном высказывании элементов, реализующих модальность долженствования (*нужно, должно, необходимо* сделать X). Другое важное свойство высказываний, содержащих утверждение необходимости действий, обусловлено термином *утверждение*. По сути, утверждение отвечает всем признакам *сведений*, кроме такого признака, как способность быть проверенным на предмет соответствия действительности. В дальнейшем при параметрическом моделировании вербального возбуждения ненависти и вражды вполне закономерно может быть использована часть модели сведений порочащего характера.

Как и в случае с призывом, обоснование и/или утверждение необходимости действий может получить корректную правовую квалификацию лишь в случае, когда конфликтное высказывание содержит *образ способа совершения действия* и *образ объекта действия*. Из указанного выше Постановления Пленума ВС следует, что юридизируются пять способов совершения действия (геноцид, массовые репрессии, депортация, применение насилия, совершение противоправных действий) и четыре типа объекта утверждаемого / обосновываемого действия (представитель какой-либо нации, представитель

какой-либо расы, представитель какой-либо группы, приверженец той или иной религии).

Таблица 9. Параметрическая судебно-лингвистическая модель вербального возбуждения ненависти и вражды, выраженного в обосновании специальных действий

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Структурные параметры (группа А)				
А	Обоснование	Наличие / отсутствие логических аргументов	[0; 1]	Σ [1; 3]
		Наличие / отсутствие оценочных аргументов	[0; 1]	
		Наличие / отсутствие прецедентных аргументов	[0; 1]	
Семантические параметры (группа В)				
В1	Образ способа совершения действия	Геноцид	[0; 1]	Σ [1; 5]
		Массовые репрессии	[0; 1]	
		Депортация	[0; 1]	
		Применение насилия	[0; 1]	
		Совершение противоправных действий	[0; 1]	
В2	Образ объекта действия	Представитель какой-либо нации	[0; 1]	Σ [1; 4]
		Представитель какой-либо расы	[0; 1]	
		Представитель какой-либо группы	[0; 1]	
		Приверженец той или иной религии	[0; 1]	
Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma AB1B2 = [3; 12]$, при $\Sigma A = [1; 3]$, $\Sigma B1 = [1; 5]$, $\Sigma B2 = [1; 4]$				

Таблица 10. Параметрическая судебно-лингвистическая модель вербального возбуждения ненависти и вражды, выраженного в утверждении необходимости специальных действий

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Структурные параметры (группа А)				
A1	Утверждение	Маркеры субъективности, синтаксически связанные с конфликтным компонентом высказывания	[0; 1]	Σ0
		Тематическая часть вопросительного предложения, включающая конфликтный компонент высказывания	[0; 1]	
A2	Долженствование	Наличие / отсутствие элементов, выражающих модальность долженствования	[0; 1]	Σ1
Семантические параметры (группа В)				
B1	Образ способа совершения действия	Геноцид	[0; 1]	Σ[1; 5]
		Массовые репрессии	[0; 1]	
		Депортация	[0; 1]	
		Применение насилия	[0; 1]	
B2	Образ объекта действия	Совершение противоправных действий	[0; 1]	Σ[1; 4]
		Представитель какой-либо нации	[0; 1]	
		Представитель какой-либо расы	[0; 1]	
		Представитель какой-либо группы	[0; 1]	
			Приверженец той или иной религии	[0; 1]
Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma A1A2B1B2 = [3; 10]$, при $\Sigma A1 = 0$, $\Sigma A2 = 1$, $\Sigma B1 = [1; 5]$, $\Sigma B2 = [1; 4]$				

Пятая глава «Параметризация рисков, связанных с совершением угрозы» открывается §5.1. «Общие замечания». Первичная трудность, возникающая при экспертной оценке вербальной угрозы, состоит в том, что угрожающее высказывание, как правило, не содержит эксплицированного пер-

форматива. Вторая трудность связана с отсутствием законодательно закрепленного определения угрозы.

В §5.2. «*Параметризация вербальных признаков угрозы*» содержится описание угрозы как коммуникативного и правового события.

К конститутивным признакам угрозы относится, прежде всего, **субъектный состав**: угроза произносится одним субъектом в адрес другого субъекта, являющегося объектом угрозы. В процессе автокоммуникации угроза состояться не может.

Вторым важным условием для констатации события угрозы является особое качество – **темпоральная маркированность действия**: угрожающий (субъект угрозы) сообщает жертве (объекту угрозы) о том, что он в *будущем* совершит некое действие в отношении объекта угрозы.

Четвертым условием для констатации речевого акта угрозы является **субъектная принадлежность действия**: факт угрозы лишь тогда очевиден, когда субъект говорит о действии, которое будет совершено им самим. Эта субъектная принадлежность действия может быть как прямой, так и косвенной: говорящий может угрожать самостоятельными действиями в отношении слушающего, либо сообщать о своем намерении организовать третьих лиц, активизировать сторонние процессы, которые обязательно затронут объекта угрозы (*Хорошо! С тобой еще поговорят!*).

Четвертым важным признаком события угрозы является **тип действия**. Это действие должно наносить вред объекту угрозы. В противном случае есть основания говорить о событии обещания (*Я принесу тебе диск*).

И, наконец, пятым признаком является **адресованность действия**. Как правило, угроза непосредственно обращена к потенциальному объекту действия. Адресованность угрозы объекту вредоносного действия может быть как прямой – при непосредственном контакте, так и косвенной – при передаче угрозы через носителей информации или третьих лиц («*И передайте ему, что еще раз так сделает – я его прикончу*»). Если говорящий обсуждает вредоносные действия с третьими лицами без цели использовать данных третьих лиц как трансляторов, передающих информацию объекту вредоносных действий, коммуникативное событие утрачивает признак угрозы. Так, в ситуации, когда два человека обмениваются планами по нанесению побоев третьему лицу, ни одна из речевых партий не может рассматриваться как речевая угроза.

Необходимо отметить, что данный признак угрозы не является абсолютным. В практике автора была экспертиза, предметом которой являлась угроза убийством новорожденного ребенка. Разумеется, угрожающее высказывание не могло быть обращено непосредственно к новорожденному ребенку. Фактическим получателем угроз была мать, на мобильный телефон которой приходили сообщения. Таким образом, в данном случае сложилась нетипичная коммуникативная ситуация угрозы: адресат угрозы и объект вредоносных действий не совпадал в одном лице. Однако данная конструкция коммуникативной ситуации является формальной, поверхностной. Анализ прагма-

тической составляющей конкретной коммуникативной ситуации помог понять, что реальной целью угрожающего было не нанесение вреда новорожденному (он еще не успел стать врагом), а оказание давления на мать посредством угроз в адрес ребенка, то есть нанесение психологического вреда матери. В свете таких обстоятельств событие угрозы полностью укладывается в общую модель, предполагающую совпадение адресата и объекта вредоносных действий.

Более типичным примером несовпадения адресата угрожающего высказывания и объекта вредоносных действий являются угрозы совершения взрывов, поступающие в правоохранительные органы, органы власти и т. д. Чаще всего номинальным объектом вредоносных действий является неопределенный круг лиц, которые могут оказаться в зоне поражения; адресатом же угроз являются органы власти и охраны правопорядка. Однако несовпадение адресата угрозы и объекта вредоносных действий вновь является формальным, поверхностным. Истинным объектом вредоносных действий является не население, а органы власти и охраны правопорядка, отвечающие за безопасность этого населения. В таких ситуациях нанесение физического вреда населению расценивается как способ нанесения психологического вреда представителям власти и способ оказания на них давления. Таким образом, даже если объект вредоносного действия не является адресатом угрожающего высказывания, он, тем не менее, связан с адресатом как часть и целое, родитель и ребенок, охраняющий и охраняемый и т. п. Данная связь используется субъектом угрозы как рычаг для оказания давления на адресата, являющегося истинным объектом вредоносного действия.

В этой связи необходимо уточнить, что объектом вредоносного действия, связанным с адресатом, может быть не только другой человек, но и любой другой субъект в широком смысле – животное, артефакт, феномен. Важным условием является наличие связи между данным субъектом и адресатом, например, по типу *владелец – имущество, ценитель – ценность*. В качестве высказываний, иллюстрирующих угрозу данного типа, могут быть приведены следующие фразы: *Еще раз припаркуешься у моей двери – разрисую машину гвоздем; А будете много писать, куда не следует – так мы ваш парк, товарищи активисты, вообще вырубим*.

В статье 119 УК РФ понятие **уголовно наказуемого акта угрозы** сужено за счет трех дополнительных факторов: фактора субъекта, вреда и высказывания.

Фактор субъекта не является лингвистическим и проявляется в том, что уголовно наказуемым актом угрозы считается только такая коммуникативная ситуация, когда субъект угрозы находится в более выигрышном положении – по сравнению со своим собеседником, объектом угрозы: «... если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы». То есть угрожающий либо превосходит собеседника силой (психической или физической), либо лучше вооружен. Если обратиться к теории конфликтологии, то понятие акта угрозы в смысле ст. 119 УК РФ будет близко понятию **верти-**

кальной конфликтной ситуации, когда один из конфликтующих по каким-либо параметрам превосходит оппонента. В противоположность понятию вертикального конфликта введено понятие **горизонтальной конфликтной ситуации**, когда конфликтующие находятся в равноценных позициях.

Фактор вреда является лингвистическим (семантическим) и состоит в том, что диспозицией ст. 119 УК РФ не предусмотрен вред, меньший чем убийство или тяжкий вред здоровью.

Менее существенным лингвистическим фактором является **фактор высказывания**, который связан с требованием к самой языковой форме угрозы. Как и фактор субъекта, данный фактор продиктован прописанным в диспозиции ст. 119 УК РФ *условием убедительности угрозы* («если имелись основания опасаться осуществления угрозы»). По всей видимости, убедительное угрожающее высказывание должно быть утвердительным по форме и прозрачным по смыслу. Следует отметить, что в правоприменительной практике описанный фактор высказывания играет наименьшую роль, поскольку оценка убедительности и обоснованности угрозы производится прежде всего с опорой на экстралингвистические факторы.

§5.3. *«Параметрическая судебно-лингвистическая модель угрозы»* содержит описание результирующей модели.

В силу законодательного закрепления нескольких видов угрозы как отдельных правонарушений возникает необходимость в построении нескольких параметрических моделей: модель для описания зон рисков, связанных с совершением угрозы убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); модель для описания зон рисков, связанных с совершением угрозы насилем (ФЗ-211, ст. 296 УК РФ); модель для описания зон рисков, связанных с совершением угрозы как признака вымогательства (ст. 163 УК РФ).

Параметрическая модель строится на основе синтеза конститутивных признаков угрозы как коммуникативного события и ограничительных (квалификационных) признаков, закрепленных законодателем для каждого из видов криминальной угрозы.

В автореферате приведена лишь первая модель для описания зон рисков, связанных с совершением угрозы убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), иные модели опущены ввиду их однотипности.

Таблица 11. Параметрическая судебно-лингвистическая модель угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ)

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Специальный параметр (группа А)				
А1	Тип вредоносного действия	Убийство	[0; 1]	Σ [1; 2]
		Причинение тяжкого вреда здоровью	[0; 1]	
Общие параметры (группа В)				
В1	Субъектная принадлежность действия	Действие совершается говорящим или субъектом, связанным с говорящим	[0; 1]	Σ1
В2	Адресованность объекту	Объектом действия является адресат или связанное с ним лицо	[0; 1]	Σ1
В3	Темпоральная маркированность действия	Действие совершается в будущем	[0; 1]	Σ1
<p>Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma AB1B2B3 = [4; 5]$, при $\Sigma A1 = [1; 2]$, $\Sigma B1 = 1$, $\Sigma B2 = 1$, $\Sigma B3 = 1$</p>				

Шестая глава «Коммуникативная стратегия ухода от правовых рисков (феномен легевфемии)» открывается § 6.1. «Легевфемия как вид эвфемии».

Принято считать, что эвфемизм – это корректная единица речи, подменяющая некорректную единицу речи, «улучшающая» денотат. Однако при первом же подробном рассмотрении категория корректности, обобщающая родственные оппозиции *этичный / неэтичный, обидный / необидный, приличный / неприличный*, не удовлетворяет понятию эвфемизма в его полном современном функционировании. Так, лексические оппозиции *умер / уснул, ФСБ / компетентные органы, наказать / сделать оргвыводы* нельзя рассматривать в пропорции к оппозиции корректный / некорректный. Такого рода эвфемизмы в принципе не соотносятся с категорией этики.

Наблюдения за языковым материалом наводят на мысль, что категория этики не является для эвфемии имманентной. Первичные эвфемизмы-дэизмы, заменяющие номинации богов, тотемов, демонов, атрибуты культа, а также номинации смерти, основаны на категории *риска*. Прямые номинации были запретны не в силу их некорректности (обидности, неприличности), а в силу опасности (произнесение дэизма расценивалось как действие, способное разбудить опасные силы, накликать беду, потревожить духов). Таким образом, подменные номинации как лексический класс исторически, скорее всего, возникли под влиянием коммуникативной стратегии ухода *от риска*. В этой связи определение эвфемизма требует уточнения. Можно предположить, что эвфемизм – это менее рискованная номинация, заменяющая в речи более рискованную. При этом особого изучения заслуживает типология *рисков*, осознание которых носителем языка и языковым коллективом в целом приводит к развитию эвфемии.

Коммуникативная стратегия стремления к корректности, этичности включилась в процесс формирования эвфемии на позднейших стадиях развития лексики, но не разрушила самоидентичности феномена. На первых взгляд, коммуникативные стратегии ‘уход от риска’ и ‘стремление к корректности’ являются противоположными: уход от риска – это стратегия, основанная на адресантоцентризме, стремлении говорящего обеспечить свою собственную безопасность, в то время как стремление к корректности – это стратегия, основанная на адресатоцентризме, желании говорящего не навредить слушающему или предмету речи, не смутить окружающих, не поставить их в неловкое положение. Однако нельзя забывать о том, что стремление к корректности речи (особенно корректности публичной речи) – это ритуализованная стратегия, предписываемая нормами коммуникации. В процессе выбора между прямыми номинациями *старик, негр, инвалид* и корректными номинациями *человек в возрасте, темнокожий, человек с ограниченными возможностями* говорящий, как правило, руководствуется не столько соображениями гуманизма, сколько стремлением следовать коду корректности. Современные дискурсивные практики испытывают большое влияние идеала толерантности, становящегося в современном обществе полноценным системным кодом коммуникации, включающим особые алгоритмы коммуникативного поведения и специфический лексикон. Владение данным кодом корректности / толерантности становится маркирующим признаком, позволяющим говорящему пользоваться более престижными социальными благами (участие в политической жизни, возможность выступить в СМИ, занять публичную должность). Напротив, неследование коду корректности / толерантности ограничивает говорящего в его социальной мобильности, уменьшает доступ к престижным социальным благам. Таким образом, если принимать во внимание не номинальную, а реальную мотивацию коммуникативного поведения, любая корректная номинация избирается говорящим с целью ухода от риска утраты социальных благ из-за неследования коду корректности / толерантности. Таким образом, категория риска является базовой для понима-

ния феномена эвфемии, а стратегия ухода от риска – это конститутивный импульс, определяющий появление и функционирование любого эвфемизма.

В современной российской лингвокультуре осознание того, что речевая коммуникация является полем правовых отношений, становится массовым. Проведенные нами опросы студенческой молодежи в возрасте от 17 до 22 лет (всего 1056 респондентов) показали, что 90% опрошенных носителей русского языка осознают реальность наступления правовой ответственности за публичные высказывания. Осознание правового риска и стремление его минимизировать становится одной из детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации. Это связано с тем, что публичная речевая деятельность активно является сферой риска: велика опасность нанести вред государству, ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность. Восприятие публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов легального речевого поведения, включающих формулы ухода от правовых рисков.

Данные речевые формулы ухода от правовых рисков формируются в лингвокультуре как относительно регулярные реализации *тактик*, которые в свою очередь реализуют *общую стратегию ухода от правового риска*. По всей видимости, между общей стратегией ухода от правовых рисков и конкретными тактиками, реализующими данную стратегиями, есть необходимость выделить *частные стратегии ухода от правового риска*, соотносящиеся с конкретными видами правонарушений. Описанные выше параметрические модели вербальных форм совершения правонарушений демонстрируют своеобразие каждого из видов правонарушения, специфичность набора параметров, их качественных и количественных характеристик. По этой причине есть смысл говорить о частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы, частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления и т. д.

Каждая из тактик, будучи типизированной речевой формулой, в каждом конкретном случае словоупотребления репрезентируется единицей речи, призванной минимизировать риск. Следовательно, речевые репрезентации тактик ухода от правовых рисков демонстрируют признаки эвфемизмов особого типа – «правовых» эвфемизмов. В настоящем исследовании для данного вида эвфемизмов вводится термин *легэвфемизм*, понимаемый как эвфемизм, используемый с целью ухода от правового риска.

Общая стратегия ухода от правовых рисков является наименее конкретной, в строгом смысле данная стратегия не является реальной интенцией, осознаваемой участниками естественной коммуникации, поскольку в каждый конкретный момент речи риск осознается говорящим как риск совершения *определенного вида* правонарушения, а не риск нарушения закона в общем.

Таким образом, отправной элемент алгоритма является условной метаединицей, имеющей статус структурного генерализатора.

Необходимо уточнить, что в ходе метаязыковой деятельности общая стратегия ухода от правовых рисков переходит в статус осознаваемых интенций, легко припоминается и формулируется носителями русского языка. В ходе опросов студенческой молодежи, проводимых нами с 2007 по 2012 годы, респондентам задавался вопрос: «*Существует ли правовая ответственность за высказывания?*». На данный вопрос абсолютное большинство респондентов ответило утвердительно («Да» – 980, «Нет» – 18, «Затрудняюсь» – 52).

На второй вопрос «*Как это влияет на ваше поведение в общении с людьми?*» то же абсолютное большинство отвечало максимально абстрактно: «*Я стараюсь говорить так, чтобы не нарушать законы*» (872 реакции). Данный ответ свидетельствует о том, что метаязыковое усилие носителя языка актуализирует общую стратегию ухода от правовых рисков.

Частные стратегии ухода от рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений, являются осознаваемыми интенциями, реализуемыми в естественной коммуникации. Степень осознанности и конкретности данной интенции зависит от экстралингвистических компетенций носителя языка, его знаний в области права. Так, наиболее конкретную форму интенция ухода от правовых рисков принимает в коммуникации лиц, осведомленных о юридических признаках конкретных правонарушений. В таких случаях участники коммуникации могут руководствоваться стратегией ухода от риска совершить оскорбление, клевету, угрозу, призыв к экстремизму, возбуждение ненависти и вражды и т. д. В коммуникации лиц, не имеющих специальных знаний в юридической сфере, частные стратегии могут носить менее конкретный характер – уход от риска нанести вред достоинству человека (группа правонарушений против личности), совершить экстремистское деяние (группа преступлений против государства) и т. п.

Типовая (регулярная) тактика реализации стратегии ухода от правовых рисков является амбивалентной единицей – с одной стороны, речевая тактика относится к категории речевых интенций, пусть и наиболее конкретного уровня; с другой стороны, данная тактика является проекцией на участок речевого континуума, структурной схемой высказывания.

Наконец, легевфемизм, построенный в соответствии с одной из типовых (регулярных) тактик, является уникальным высказыванием, конечной единицей в ряду от абстрактного к конкретному.

Особенностью алгоритма реализации легевфемии в речи является то, что единицы тактического уровня не производны от единиц стратегического уровня. Это означает, что виды тактик, реализующих частную стратегию, не являются уникальными для каждой отдельной стратегии. Иными словами, в русской лингвокультуре не формируются уникальные тактики для ухода от рисков, связанных с совершением каждого отдельного правонарушения – оскорбления, клеветы, возбуждения ненависти и вражды и т. д.

Наблюдения за массовой коммуникацией и опыт производства судебных лингвистических экспертиз позволяют заключить, что набор тактик ухода от правовых рисков в современной российской лингвокультуре является закрытым, универсальным для всех видов правонарушений и состоит из пяти единиц.

Тактика № 1 – «Манифестация субъективности».

На уровне интенции данная тактика характеризуется стремлением говорящего выдать передаваемую информацию за субъективное мнение, предположение. На уровне реализации тактика предполагает введение в высказывание экспликаторов модальной рамки субъективного мнения и предположения (маркеров субъективности *мне кажется, наверное, быть может, думаю, полагаю*, глагольных форм сослагательного наклонения), передачу потенциально конфликтной информации рематической частью вопроса.

В качестве примеров реализации данной тактики можно привести следующие высказывания: «*Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству*» (вместо «*Менеджмент ведет компанию в банкротству*»). Данные маркеры формально указывают на субъективность, гипотетичность передаваемой информации, что снижает риски правовой ответственности, например, за клевету или распространение порочащей информации, а также возбуждение ненависти и вражды, для которой наличие утвердительных высказываний также является квалификационным признаком.

Тактика № 2 – «Затемнение референта».

На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего заменить прямые номинации косвенными. На уровне реализации тактика предполагает использование в высказывании намека (как регулярного, так и истинного), метафоры (в том числе расширенной метафоры, иносказания), квазизамещения и умолчания. Перечисленные риторические приемы позволяют выполнять затемнение референта с разной степенью. Так, намек и метафора, как правило, являются средствами наименьшего затемнения, данные субституты, как правило, семантически изоморфны истинной номинации и без труда прочитываются адресатом речи. Квазизамещение призвано затемнить референт в большей степени, поскольку представляет собой замещение на лексему, образность которой не очевидна. Например, при замещении слова *призываю* словом *рекомендую* истинный смысл может быть прочитан внимательным и стилистически чутким адресатом, который распознает замену по неестественной лексической сочетаемости или неестественности контекста. Наконец, умолчание представляет собой нулевую номинацию, точнее – речевую валентность. При этом контекст, как правило, содержит все необходимые предпосылки для «правильного» заполнения данной валентности. Цель говорящего состоит в том, чтобы заполнение речевой валентности производил адресат. Описанная тактика реализуется при уходе от рисков совершения широкого спектра правонарушений.

Тактика № 3 – «Разорванная предикация».

На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего инвентаризировать прямую грамматическую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака. На уровне реализации тактика предполагает распределение предизируемого признака (свойства, качества, действия) и носителя данного признака (свойства, качества, действия), составляющих единый истинный смысл, по разным предложениям, формально имеющим самостоятельные предикативные ядра. Данная тактика реализуется при уходе от рисков совершения широкого спектра правонарушений.

Примером может служить отрывок из публикации в региональной прессе: *«Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания».* Из контекста ясно, что говорящий имел в виду, что компания «СтройИнвест» не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предизируемый конфликтный признак неспособности выполнять обязательства перед кредиторами и носитель данного признака – компания «СтройИнвест» – распределены по двум самостоятельным предложениям. Прямой грамматической связи между конфликтным признаком и его носителем в тексте нет, что является достаточно действенным защитным аргументом автора в процессе по защите деловой репутации, инициированной компанией «СтройИнвест». Чаще всего такие случаи суды рассматривают как спорные и неоднозначные, что выгодно стороне ответчика.

Тактика № 4 – «Деавторизация».

На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание или ответственность источника информации. На уровне реализации тактика предполагает введение в высказывание специальных деавторизаторов, указывающий на неопределенное или нулевое авторство высказывания, нефиксированный источник информации. В качестве таких деавторизаторов могут служить типичные демагогизмы – указания на общеизвестность, ссылки на непроверяемые источники (*«Всем известно, что...»*), *«Не раз приходилось слышать о том, что...»*), *«Никто не будет спорить, что...»*), *«Поговаривают, что...»*). Тактика широко используется при уходе от рисков, связанных с распространением порочащей информации, совершением клеветы.

Тактика № 5 – «Автора реабилитация».

На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего предвосхитить возможные правовые претензии и предъявить защитный аргумент заранее. На уровне реализации тактика предполагает введение в текст оправдательного высказывания, как правило, находящегося в постпозиции относительно конфликтного высказывания. Данная тактика реализуется при уходе от рисков совершения широкого спектра правонарушений.

Примером могут служить высказывание: *«В период, когда Петров руководил фондом, дефицит бюджета возрос и стал неконтролируемым. Я*

прошу сейчас понять меня правильно, я ни в коем случае не пытаюсь ставить под сомнение компетентность господина Петрова, его управленческие качества, я лишь констатирую факты). Автореабилитирующие высказывания могут содержать как полноценную авторскую правовую квалификацию осуществленного им коммуникативного действия, так и авторское толкование отдельных слов и выражений, которые могут оказать влияние на дальнейшую правовую квалификацию коммуникативного события.

Описанные единицы тактического уровня характеризуются количественной неравномерностью реализации. В период с 2006 по 2012 годы проведен мониторинг российских СМИ с целью отслеживания частотности реализации отдельных типов легевфемизмов. В качестве объектов исследования послужили телевизионные программы «К барьеру» (канал «НТВ»), «Поединок» (канал «Россия-1»), «Пусть говорят» («Первый канал»), печатные издания – газеты «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец», журнал «Российский репортер»; электронные издания – газета «Взгляд», сайты «Эхо Москвы», «Лента.ру». Суть мониторинга состояла в фиксации легевфемизмов, являющихся реализацией одной из тактик ухода от правовых рисков.

Результаты мониторинга (кол-во словоупотреблений): манифестация субъективности – 1792, затемнение референта – 1679, разорванная предикация – 807, деавторизация – 749, автореабилитация – 677.

Тактики ухода от правовых рисков в целом неравномерно реализуются на разных подуровнях медиадискурса (кол-во словоупотреблений): печатные СМИ – 2440, электронные – 1375, телевидение – 1883.

Наибольшее количество легевфемизмов фиксируется в печатных СМИ. В электронных СМИ количество зафиксированных легевфемизмов меньше, данное отличие объясняется тем, что в ходе мониторинга учитывался текстовый массив читательских комментариев по поводу публикаций. Тексты комментариев характеризуются большей свободой изложения (отчасти это обусловлено анонимностью), авторы комментариев прибегают к легевфемии заметно реже авторов статей. При этом печатные СМИ такой возможности комментирования читателю не предоставляют. Эти факторы оказывают влияние на соотношение совокупных статистических показателей по печатным и электронным СМИ.

Наконец, в телевизионных передачах количественные характеристики легевфемии достаточно высоки (существенно выше, чем в электронных СМИ). Эти цифры в целом обусловлены канонизированностью телевизионной коммуникации и наличием института самоцензуры на телевидении. Процент реальных речевых экспромтов на телевидении (даже в прямом эфире) минимален. Справедливо полагать, что степень подготовленности речи прямо пропорциональна количеству фиксируемых легевфемизмов.

В §6.2. «Корреляция единиц стратегического и тактического уровней в параметрических антимоделях легевфемии» содержится описание моделей ухода от правовых рисков.

Описание реализации общей стратегии ухода от правовых рисков целесообразно проводить через описание реализации каждой из частных стратегий ухода от рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений. Методологической основой такого описания являются построенные на предыдущих этапах исследования параметрические судебно-лингвистические модели правонарушений. Качественные и количественные показатели параметров, заложенных в модели, в совокупности являются описанием зоны рисков, связанных с совершением определенного правонарушения вербальным способом. В соответствии со стратегией ухода от правовых рисков языковые носители в ходе коммуникации стремятся не допускать речевые действия, которые в последующем могут быть квалифицированы как признаки правонарушения. На метаязыке параметрического судебно-лингвистического моделирования это означает блокировку проявления параметров (одного, нескольких или всех) в квалификационных объемах. Таким образом, описание реализации стратегии ухода от правовых рисков принимает вид параметрической модели, содержащей сведения о признаках, достаточных не для квалификации, а для *дисквалификации* коммуникативного события как правонарушения. Такие модели в рамках выполняемого исследования будут называться **параметрическими легевфемическими антимоделями**.

Параметрические легевфемические антимодели выстраиваются для каждого из видов правонарушения и зеркально отражают параметрические судебно-лингвистические модели правонарушений, построенные на предыдущих этапах исследования. В качестве дополнительных сведений в антимодели закладываются данные о тактиках ухода от правовых рисков, используемых для блокировки проявления конкретного параметра, а также данные о скорректированных показателях параметров с учетом реализации тактик ухода от правовых рисков. Такие показатели фактически являются *дисквалификационными*, поскольку блокируют положительную правовую квалификацию коммуникативного события как правонарушения.

В автореферате не представляется возможным привести все построенные антимодели в табличном виде. Ниже приведены краткие описания построенных антимodelей.

В параметрической легевфемической антимодели сведений порочащего характера (первый этап – способы ухода от рисков, связанных с распространением сведений) квалификационные показатели лексико-грамматического параметра блокируются при реализации тактик манифестации субъективности и автореабилитации, квалификационные показатели стилистического параметра блокируются при реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели верификационного параметра блокируются при реализации тактик манифестации субъективности, затемнения референта и деавторизации.

В параметрической легевфемической антимодели сведений порочащего характера (второй этап – способы ухода от рисков, связанных с распространением информации порочащего характера) квалификационные показа-

тели параметра типа сведений блокируются при реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра вероятных последствий блокируются при реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации.

В параметрической легевфемической антимодели оскорбления другого лица квалификационные показатели параметра атрибутированности блокируются при реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра ненормативности / табуированности блокируются при реализации тактики затемнения референта.

В параметрической легевфемической антимодели призыва к осуществлению экстремистской деятельности квалификационные показатели параметра открытости блокируются при реализации тактики разорванной предикации, квалификационные показатели параметра прямоты блокируются при реализации тактик затемнения референта и автореабилитации, квалификационные показатели параметра образа способа совершения действия блокируются при реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра образа объекта действия блокируются при реализации тактики затемнения референта.

В параметрической легевфемической антимодели возбуждения ненависти и вражды, выраженного в обосновании специальных действий, квалификационные показатели параметра обоснования блокируются при реализации тактик разорванной предикации и автореабилитации, квалификационные показатели параметра образа способа совершения действия блокируются при реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра образа объекта действия блокируются при реализации тактики затемнения референта.

В параметрической легевфемической антимодели возбуждения ненависти и вражды, выраженного в утверждении необходимости специальных действий, квалификационные показатели параметра утверждения блокируются при реализации тактик манифестации субъективности и автореабилитации, квалификационные показатели параметра долженствования блокируются при реализации тактики разорванной предикации, квалификационные показатели параметра образа способа совершения действия блокируются при реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра образа объекта действия блокируются при реализации тактики затемнения референта.

В параметрической легевфемической антимодели угрозы квалификационные показатели параметра типа вредоносного действия блокируются посредством реализации тактик затемнения референта и разорванной предикации, квалификационные показатели параметра субъектной принадлежности действия блокируются посредством реализации тактики затемнения референта, квалификационные показатели параметра объекта действия блокируются посредством реализации тактики затемнения референта, квалификаци-

онные показатели параметра темпоральной маркированности действия блокируются посредством реализации тактики разорванной предикации.

В §б.3. «Функциональная и структурная типология легевфемии» описана комплексная типология легевфемизмов русского языка по различным основаниям (по базовой стратегии, по базовой тактике, по структуре). В автореферат приводится наиболее важная в лингвистическом отношении классификация – **структурная классификация легевфемии**.

Любой легевфемизм, являясь, по сути, эвфемизмом, призван выполнить функцию субститута в широком смысле, замещающего истинную номинацию (прямое изложение мысли). Истинная номинация требует замещения, поскольку является конфликтогеном, то есть несёт в себе риск и прямую опасность для говорящего. Данный механизм субституции, роднящий легевфемии и эвфемии в общем смысле, является в то же время аспектом их дифференциации. Если эвфемизм в общем случае является полным субституту истинной номинации, то легевфемизм может реализоваться как в образе полного субститута, замещающего конфликтоген, так и в образе нейтрализатора, обезвреживающего конфликтоген, не замещая его, не трансформируя истинную номинацию. Легевфемизмы первого структурного типа являются *синтетическими*, а легевфемизмы второго структурного типа – *аналитическими*.

Синтетические легевфемизмы образуются при реализации наиболее валентных в функциональном отношении и продуктивных тактик – затемнение референта, разорванная предикация и манифестация субъективности. Пример синтетических легевфемизмов, используемых с целью затемнения денотата при уходе от рисков, связанных с распространением сведений порочающего характера / совершением клеветы: *«Бывший директор был замечен в странных делишках»* (легевфемизм *странные делишки* является полным субституту конфликтогена, прямо указывающего на нарушение закона – *был замечен в подделке документов, был замечен в фальсификации результатов тендеров, был замечен в заключении незаконных сделок с фирмами-однодневками* и т.п.). Можно говорить о 12 функциональных подтипах синтетических легевфемизмов:

Аналитические легевфемизмы содержатся в двучастных высказываниях, в которых конфликтоген выражается прямо, но сопровождается добавочным компонентом, нейтрализующим потенциальный риск. Этот добавочный компонент будет назван *нейтрализатором*. Аналитические легевфемизмы образуются при реализации тактик автореабилитации, деавторизации и манифестации субъективности. Примеры аналитических легевфемизмов, используемых с целью автореабилитации при уходе от рисков, связанных с распространением сведений порочающего характера / совершением клеветы: *«Я сейчас не претендую на истину в последней инстанции, я всего лишь выражу свое мнение: социальная напряженность в городе всецело спровоцирована непрофессиональными действиями главы и его администрации»* (легевфемизмом является нейтрализатор *я сейчас не претендую на истину в по-*

следней инстанции, я всего лишь выражу свое мнение, отменяющий потенциальную квалификацию передаваемой информации как сведений).

Седьмая глава «Алгоритм управления рисками в аспекте категории эффективности» открывается §7.1. «Общая алгоритмическая модель управления правовыми рисками в публичной коммуникации».

Управление правовым риском не отличается от управления любым другим типом риска и включает пять стадий – стадию идентификации риска, стадию оценки риска и стадию принятия решения о необходимости нейтрализации риска; в случае принятия положительного решения на третьей стадии актуализируется четвертая и пятая стадии, на которых принимаются решения о степени нейтрализации риска и методах нейтрализации.

Наиболее сложной по составу решаемых задач является четвертая стадия алгоритма – принятие решения о степени нейтрализации риска. Проблематичность данного этапа состоит в столкновении двух идеалов эффективности, противостоящих друг другу. Идеал правовой эффективности, когда речь является абсолютно безопасной, вступает в противоречие с идеалом коммуникативной эффективности, когда в ходе взаимодействия достигаются коммуникативные цели (убедить, склонить на свою сторону путем дискредитации оппонента, побудить и т. д.). Таким образом, реализация стратегии второго порядка (уход от правовых рисков) затрудняет реализацию стратегии первого порядка, которая условно может быть названа персуазивной стратегией, связанной с желанием говорящего оказать воздействие на адресата (систему ценностей и/или поведение).

Так, например, реализация стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы или оскорбления, осложняет реализацию персуазивной стратегии дискредитации, при этом полная эффективность при реализации стратегии ухода от правовых рисков влечет полную неэффективность при реализации персуазивной стратегии. В этом состоит **коллизия эффективности** – явления, определяющего уровень сложности процесса управления правовыми рисками в речевой коммуникации. Задача, решаемая языковым носителем, состоит в поиске **баланса эффективности** – идеальной пропорции рискованности и персуазивности высказывания, позволяющей относительно безопасно достигать коммуникативных целей.

Прогнозирование реализации описанного алгоритма управления правовыми рисками в публичной коммуникации выполнено с опорой на лингвистический эксперимент, в ходе которого установлены потенциальные варианты реализации алгоритма управления рисками и степень эффективности данного процесса.

В §7.2. «Прогнозирование эффективности управления рисками на основе экспериментальных данных» содержится описание процедуры эксперимента, изложены и проанализированы его результаты.

Эксперимент проводился с конца 2010 года по конец 2012 года. В качестве **испытуемых** выступили студенты I – 4 курсов Кемеровского государственного университета и Новосибирского гуманитарного института. Из чис-

ла респондентов изначально были исключены студенты, обучающиеся по юридическим направлениям, поскольку в ходе эксперимента проявление коммуникативных компетенций у данной категории студентов могло бы существенно корректироваться профессиональными компетенциями.

Цель эксперимента состояла в выявлении экстралингвистических знаний и коммуникативных компетенций носителей русского языка, оказывающих влияние на процесс управления правовыми рисками в публичной коммуникации.

Задачи эксперимента: выявить знания респондентов о наличии правовых рисков в публичной коммуникации; выявить знания респондентов о признаках оскорбления, клеветы и угрозы; выявить представления респондентов о степени эффективности конкретных тактик ухода от правовых рисков; выявить предпочтения респондентов при использовании тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, клеветы и угрозы.

Рабочая гипотеза эксперимента состоит из нескольких *подгипотез*: носители русского языка могут знать обо всех правовых рисках, актуальных для публичной коммуникации, о части рисков – или не знать о данных рисках совсем; знания носителей русского языка о признаках оскорбления, клеветы и угрозы могут совпадать – или не совпадать с законодательно закрепленными признаками; носители русского языка могут считать эффективными все тактики ухода от правовых рисков, часть этих тактик – или считать все тактики неэффективными; в своей речи носители русского языка могут отдавать предпочтение всем тактикам ухода от правовых рисков, части этих тактик – или предпочитать невербальные тактики ухода от правовых рисков.

Процедура эксперимента состояла в письменном анкетировании респондентов. Анкетирование проводилось группами в учебных аудиториях. На работу с анкетой испытуемым отводилось 30 минут. Просьбы продления срока работы с анкетами удовлетворялись.

Форма анкеты:

1. Какие словесные высказывания, с Вашей точки зрения, влекут юридическую ответственность? Можно ли вообще попасть под суд за слова? (*просто напишите свое мнение*)
2. Что такое оскорбление? (дайте определение, как Вы его понимаете)
3. Какие из высказываний, приведенных ниже, могут стать основанием для юридического наказания за оскорбление, а какие не могут? Если высказывание, с Вашей точки зрения, может стать основанием для юридической ответственности, то поставьте напротив него знак плюса «+». Если же за высказывание не может последовать никакой юридической ответственности, то поставьте знак минуса «-».
 - 3.1. *А ты вообще заткнись, свинья!*
 - 3.2. *Я думаю, такую свинью, как ты, еще поискать!*
 - 3.3. *А кое-кого я бы попросил не вести себя как свинья...*
 - 3.4. *Да ты, я погляжу, разжирел как известное мясное животное!*
 - 3.5. *Все знают, что ты свинтус тот еще!*
 - 3.6. *В наше время многие ведут себя как свиньи. Твои поступки вполне в духе времени.*

- 3.7. *Ты дурак и не лечись. Я не хочу тебя оскорбить, просто прошу тебя подумать над своим поведением.*
4. Что такое клевета? (дайте определение, как Вы его понимаете)
5. Какие из высказываний, приведенных ниже, могут стать основанием для юридического наказания за клевету, а какие не могут? Если высказывание, с Вашей точки зрения, может стать основанием для юридической ответственности, то поставьте напротив него знак плюса «+». Если же за высказывание не может последовать никакой юридической ответственности, то поставьте знак минуса «-».
- 5.1. *Я видел, что он украл деньги.*
 - 5.2. *По-моему, это именно он украл деньги.*
 - 5.3. *Деньги украл свой же. Не будем показывать пальцем, все и так ясно.*
 - 5.4. *Вчера он совершил не очень честный поступок. Ну, вы поняли, о чем я.*
 - 5.5. *Вчера из кабинета пропали деньги. А он ведь заходил в кабинет пару раз.*
 - 5.6. *Все знают, что это именно он украл деньги.*
 - 5.7. *Деньги украл он. Я, безусловно, не утверждаю, это мое мнение.*
6. Что такое угроза? (дайте определение, как Вы его понимаете)
7. Какие из высказываний, приведенных ниже, могут стать основанием для юридического наказания за угрозу убийством, а какие не могут? Если высказывание, с Вашей точки зрения, может стать основанием для юридической ответственности, то поставьте напротив него знак плюса «+». Если же за высказывание не может последовать никакой юридической ответственности, то поставьте знак минуса «-».
- 7.1. *Я тебя пристрелю, так и знай!*
 - 7.2. *Моя б воля, я б тебя порешил давно.*
 - 7.3. *Кое-кто сейчас дождется, пришибу, не очнется!*
 - 7.4. *Я с тобой еще поговорю, но не здесь, а в темном переулке, при случае.*
 - 7.5. *В таких случаях обычно по башке – и в колодез. Так что не зли меня.*
 - 7.6. *Меня тут просили передать тебе, чтоб ты не делал глупостей, а то поплатишься жизнью.*
 - 7.7. *Ты у меня еще поплачешь, когда в больнице окажешься. Я тебе не угрожаю, я просто пытаюсь открыть тебе глаза на реальность.*
8. Представьте, пожалуйста, такую ситуацию: Вам не нравится какой-то человек и Вы хотите его оскорбить публично какими-нибудь обидными словами, но так, чтобы он впоследствии не подал на Вас в суд. Как бы вы это сделали? Напишите несколько примеров таких оскорбительных высказываний, за которые Вы бы не оказались в суде.
9. Представьте, пожалуйста, такую ситуацию: Вы хотите сообщить о каком-то человеке, что он берет вятки, но так, чтобы этот человек впоследствии не подал на Вас в суд за клевету. Как бы вы это сделали? Напишите несколько примеров таких высказываний, за которые Вы бы не оказались в суде.
10. Представьте, пожалуйста, такую ситуацию: Вы хотите пригрозить какому-то человеку, что побьете его за что-то, но так, чтобы этот человек впоследствии не подал на Вас в суд за угрозу причинением тяжкого вреда здоровью (есть и такая статья в уголовном кодексе). Как бы вы это сделали? Напиши-

те несколько примеров таких угроз, за которые Вы бы не оказались под следствием.

Протокол результатов эксперимента. Всего анкет выдано респондентам – 976 шт.; всего анкет получено от респондентов – 972 шт.;

Распределение реакций по вопросам анкеты описано в таблице 12.

Таблица 12. Распределение реакций по вопросам анкеты

Номер вопроса	Реакция	Кол-во	% от общего количества полученных реакций (972)
1.	Оскорбление	970	99
	Клевета	560	58
	Угроза	402	41
	Экстремизм	7	0,7
2.	Признак «Неприличная форма»	512	53
	Признак «Корректировка образа объекта атрибуции в отрицательную сторону путем статусного понижения относительно говорящего»	788	81
3.	Без тактик	2	0,2
	Манифестация субъективности	903	93
	Затемнение референта	965	99
	Деавторизация	963	99
	Разорванная предикация	832	86
	Автореабилитация	88	9
4.	Признак «Утвердительность»	67	7
	Признак «Недостоверность»	962	99
	Признак «Проверяемость»	1	0,1
	Признак «Порочащий характер»	461	47
5.	Без тактик	405	42
	Манифестация субъективности	482	50
	Затемнение референта	950	98
	Деавторизация	276	28
	Разорванная предикация	192	20
	Автореабилитация	301	31
6.	Признак «Субъектная принадлежность»	12	1
	Признак «Тип вреда»	499	51
	Признак «Адресованность»	381	39
	Признак «Темпоральная маркированность»	607	62
7.	Без тактик	9	0,9
	Манифестация субъективности	917	94
	Затемнение референта	713	8
	Разорванная предикация	466	48
	Деавторизация	112	12
	Автореабилитация	205	21
8.	Без тактик	404	42
	Манифестация субъективности	21	2

	Затемнение референта	598	62
	Разорванная предикация	0	0
	Деавторизация	0	0
	Автореабилитация	102	10
	Невербальные способы	11	1
	Отказ от деяния	499	51
9.	Без тактик	7	0,7
	Манифестация субъективности	551	57
	Затемнение референта	490	50
	Разорванная предикация	0	0
	Деавторизация	3	0,3
	Автореабилитация	407	42
	Невербальные способы	339	35
	Отказ от деяния	20	2
10.	Без тактик	212	22
	Манифестация субъективности	199	21
	Затемнение референта	723	74
	Разорванная предикация	0	0
	Деавторизация	0	0
	Автореабилитация	36	4
	Невербальные способы	545	56
	Отказ от деяния	12	1

Выводы по эксперименту.

В сознании носителей языка знания о правовых рисках организованы по принципу категории, где в ядре находится оскорбление, на ближней периферии клевета и угроза, прочие правонарушения находятся на дальней периферии и осознаются единицами. Эти данные позволяют прогнозировать заведомую неэффективность реализации частных стратегий ухода от правовых рисков, связанных, в частности, с совершением преступлений экстремистской направленности (если такая стратегия вообще будет актуализована).

Знания носителей русского языка об оскорблении и угрозе приближаются к законодательно закрепленным признакам указанных правонарушений. При этом знания о клевете, по сути, исчерпываются признаком ложности передаваемой информации. Когнитивное прогнозирование дает положительный прогноз эффективности использования носителями русского языка тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления и угрозы, и отрицательный прогноз эффективности использования тактик ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

Носители русского языка способны идентифицировать в высказываниях все тактики, блокирующие проявления признаков оскорбления в соответствии в построенной ранее параметрической легевфемической антимоделью – тактику затемнения денотата и тактику разорванной предикации. Это является основанием для уверенного положительного прогноза эффективности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления.

Носители русского языка с большей вероятностью способны идентифицировать в высказываниях две тактики, блокирующие проявления признаков клеветы, из пяти тактик, предусмотренных параметрической легевфемической антимodelью – тактику манифестации субъективности и тактику затемнения денотата. Это является основанием для отрицательного прогноза эффективности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

Носители русского языка с большей вероятностью способны идентифицировать в высказываниях одну тактику, блокирующую проявления признаков угрозы, из двух тактик, предусмотренных параметрической легевфемической антимodelью – тактику разорванной предикации. Это является основанием для нейтрального прогноза эффективности идентификации носителями русского языка случаев реализации частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением угрозы.

Носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, используя тактику затемнения референта. В соответствии с параметрической легевфемической антимodelью, данная тактика способна блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения. Эти данные позволяют дать уверенный положительный прогноз эффективности реализации в речи носителей русского языка частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления.

Носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы, используя тактику манифестации субъективности и затемнения референта. В соответствии с параметрической легевфемической антимodelью, данные тактики способны блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения. Эти данные позволяют дать уверенный положительный прогноз эффективности реализации в речи носителей русского языка частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

Носители русского языка с большой вероятностью способны реализовать в речи частную стратегию ухода от правовых рисков, связанных с совершением угрозы, используя тактику затемнения референта. В соответствии с параметрической легевфемической антимodelью, данная тактика способна блокировать проявление всех вербальных признаков правонарушения. Эти данные позволяют дать уверенный положительный прогноз эффективности реализации в речи носителей русского языка частной стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы.

Сводные результаты прогнозирования эффективности реализации стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, клеветы и угрозы, представлены в таблице (см. таблицу 13).

Таблица 13. Сводные результаты прогнозирования эффективности реализации стратегии ухода от правовых рисков (по трем частным стратегиям)

Вид правонарушения \ Вид прогноза	Когнитивное прогнозирование	Компетентностное прогнозирование (компетенции восприятия)	Компетентностное прогнозирование (компетенции продуцирования)
<i>Оскорбление</i>	+	+	+
<i>Клевета</i>	-	-	+
<i>Угроза</i>	+	0	+

Из сводной таблицы результатов видно, что относительно реализации стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением оскорбления, имеет место однозначный положительный прогноз по всем видам прогнозирования. Это означает, что носители русского языка обладают представлением о составе вербальных признаков оскорбления, соответствующим составу признаков правонарушения; способны эффективно идентифицировать случаи реализации в речи стратегии ухода от риска совершения оскорбления; способны самостоятельно продуцировать безопасные высказывания, успешно уходя от риска совершения оскорбления, используя лишь одну тактику – затемнение референта. Этой тактики достаточно для блокирования проявления всех вербальных признаков оскорбления.

Относительно реализации стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением клеветы, имеет место отрицательный прогноз по двум видам прогнозирования и положительный прогноз по одному виду прогнозирования. Это означает, что носители русского языка обладают представлением о составе вербальных признаков клеветы, не в полной мере соответствующим составу признаков правонарушения; не способны эффективно идентифицировать случаи реализации в речи стратегии ухода от риска совершения клеветы; но при этом способны самостоятельно продуцировать безопасные высказывания, успешно уходя от риска совершения клеветы, используя лишь две тактики – тактику манифестации субъективности и тактику затемнения референта. Этим тактик достаточно для блокирования проявления всех вербальных признаков клеветы.

Относительно реализации стратегии ухода от правовых рисков, связанных с совершением угрозы, имеют место различные результаты по трем видам прогнозирования – отрицательный, нейтральный и положительный. Это означает, что носители русского языка обладают представлением о составе вербальных признаков угрозы, не в полной мере соответствующим составу признаков правонарушения; равновероятно способны и не способны эффективно идентифицировать случаи реализации в речи стратегии ухода от риска совершения угрозы; но при этом способны самостоятельно продуцировать безопасные высказывания, успешно уходя от риска совершения угрозы, используя лишь одну тактику – затемнение референта. Этим тактики достаточно для блокирования проявления всех вербальных признаков угрозы.

В «Заключении» подведены итоги и намечены перспективы.

Выполненное исследование в целом является комплексной моделью процесса управления правовыми рисками в публичной коммуникации на русском языке в условиях современной российской лингвокультуры. Полученные результаты корректны прежде всего для русского языка и российской лингвокультуры, поскольку во многом завязаны на идиоэтническом компоненте. Так, параметризация неприличной формы или побудительных конструкций, совершенно очевидно, не носит универсального характера и отсылает к русской языковой идиоматике и этноспецифическим шаблонам коммуникативного поведения. Не в меньшей степени значима и опора на российское законодательство, хотя и приближающееся в основе своей к общеевропейскому идеалу законности, но в деталях терминологии и процедуры остающееся весьма этноспецифичным.

В первых пяти главах решена задача идентификации правового риска, заключающаяся, во-первых, в установлении риска, во-вторых, в описании границ зоны риска. Феномен границы является необходимым звеном в непрерывной алгоритмической цепочке действий, формирующих процесс управления рисками, поскольку без понимания границы зоны риска невозможно эффективно манипулировать риском, задавать пределы его допустимости, прогнозировать вред и т. п. Феномен границы зоны риска описан с опорой на методологию параметризации – исследовательского решения, позволяющего синтезировать качественные и количественные характеристики риска, описать их в динамическом взаимодействии. Кроме того, методология параметризации привносит в гуманитарное исследование точность, столь необходимую при выработке решений, которые в перспективе могут стать основой для правовой квалификации реальных событий.

В двух завершающих главах описан алгоритм управления правовыми рисками в коммуникации, дана характеристика общей коммуникативной стратегии ухода от правовых рисков и частным коммуникативным стратегиям, связанным с уходом от рисков совершения конкретных правонарушений. Существенный научный результат получен при изучении единиц тактического уровня. Первый важный (отчасти даже неожиданный для автора) результат состоит в том, что типы единиц тактического уровня не зависят от частных коммуникативных стратегий и носят универсальный характер. Второй важный результат состоит в установлении краткого и закрытого списка единиц тактического уровня, которых оказалось ровно пять – тактика манифестации субъективности, тактика затемнения референта, тактика разорванной предикации, тактика деавторизации и тактика автореабилитации. Богатая судебная практика, использованная в ходе исследования, разнообразие рассмотренных реальных случаев не повлияли на стабильность списка единиц тактического уровня.

По мере продвижения от этапа к этапу исследования приходило понимание, что изучаемый феномен (стратегия ухода от правовых рисков) не отнесется к явлениям элитарной или узкопрофессиональной коммуникации,

напротив – осознание языковым носителем правового риска и стремление его минимизировать относится к разряду регулярных и системных явлений современной речевой коммуникации. Это направление исследования привело к выделению особого речевого пласта – явления легевфемии. Легевфемия прямо производна от стратегии ухода от правовых рисков, структурные и функциональные особенности легевфемизма продиктованы базовой частной стратегией и базовой тактикой, ставших импульсами появления легевфемизма в речи. Однако, несмотря на наличие у легевфемизмов типологических черт, на данном этапе рано говорить о полной регуляризации явления легевфемии. В отличие от классических эвфемизмов, среди легевфемизмов гораздо реже встречаются клишированные формы. Отчасти это обусловлено характером правового риска, который является более серьезным, нежели риск этический или политический. Это обстоятельство стимулирует языкового носителя к изобретательности, проявлению нестандартности в речи и – как следствие – размывает границы легевфемии, препятствуя регуляризации конкретных речевых средств, способствующих уходу от правовых рисков.

В ходе исследования пришлось столкнуться с вынужденными ограничениями. Первое ограничение связано с тем, что этические соображения не позволили включить в процедуру эксперимента задания, связанные с преступными экстремистской направленности. Тестовые политические призывы или высказывания о нациях, расах и религиях могли быть неверно истолкованы молодыми респондентами. В итоге эксперимент ограничился стимулами на оскорбление, клевету и угрозу.

Второе ограничение состоит в том, что не представилось возможным исследовать финальный этап алгоритма управления правовыми рисками, а именно – этап проверки эффективности. Правила риск-менеджмента предполагают проверочный этап в качестве обязательного, позволяющего не только оценить качество управления, но и гибко реагировать на изменения конъюнктуры. В нашем случае проверочный этап означал бы анализ полной последовательности действий языкового носителя – от обдумывания правонарушения до попытки отстоять свою правоту в суде. Однако среди респондентов не нашлось ни одного добровольца, согласного пройти этот путь ради науки.

Простроенные параметрические судебно-лингвистические модели могут быть использованы в работе судебных экспертов при выполнении судебных лингвистических экспертиз и криминалистических исследований продуктов речевой деятельности на предмет установления признаков сведений порочащего характера, клеветы, оскорбления, угрозы, публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждения ненависти и вражды.

Кроме того, полученные данные о признаках преступлений, совершаемых вербальным способом, стратегиях и тактиках, реализуемых в речи носителей русского языка, а также разработанные методики экспертной оценки публичной речевой коммуникации могут быть использованы в преподавании

студентам, обучающимся по направлению 035800 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» в рамках дисциплин вариативной части профессионального цикла («Прикладная лингвистика», «Лингвистическая экспертиза», «Судебная лингвистика», «Юрислингвистика», «Правовая лингвистика», «Лингвоконфликтология», «Ораторское искусство»).

Научные перспективы исследования связаны, прежде всего, с разработкой единиц тактического уровня, установлением и уточнением спектра конкретных приемов реализации тактик ухода от правовых рисков.

Логичным продолжением намеченной исследовательской линии станет применение разработанных методик к большему спектру преступлений, совершаемых вербальным способом – разглашение государственной, военной тайны, разглашение тайны частной жизни, разглашение инсайдерской информации, соглашение о совершении незаконной сделки, вымогательство, плагиат, незаконная реклама и т. д.

Представляется важным реализовать исследование, предметом которого станет феномен *баланса эффективности* – равновесия между стремлением языкового носителя к безопасности (правовая эффективность) и желанием оказать на адресата максимальное воздействие (персуазивная эффективность).

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора [Текст] / М. А. Осадчий. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 316 с. (20 п. л.).
2. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи [Текст] / М. А. Осадчий. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» (Издательская группа УРСС), 2012. – 256 с. (16 п. л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

3. Осадчий, М. А. «Гуманистическая» семиотика и логика языковой формы [Текст] / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Лингвистика». – М.: МГЛУ, 2004. – Вып. 489. – С. 175–182 (0,46 п. л.).
4. Осадчий, М. А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинства, о клевете и оскорблении [Текст] / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Российский юридический журнал. № 2–2006. С. 86–94 (0,9 п. л.).
5. Осадчий, М. А. Роль лингвистической экспертизы в судебном процессе по защите чести и достоинства [Текст] / М. А. Осадчий // Адвокат. № 5 – 2008. С. 98 – 108 (0,9 п. л.).

6. Осадчий, М. А. Тактики ухода от правовых рисков в политической и бизнес коммуникации [Электронный ресурс] / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6; URL: www.science-education.ru/100-4893 (проверено 25.12.2012) (1,0 п. л.).
7. Осадчий, М. А. Тактические приемы ухода от правовых рисков в современной публичной коммуникации [Текст] / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий, Л. А. Араева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – № 1. – 2012. С. 63 – 71 (1,0 п.л.).
8. Осадчий, М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы [Текст] / Кожевникова Е. А., Осадчий М. А. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 19-1. – С. 22 – 29 (1,0 п. л.).
9. Осадчий, М. А. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка / А. Р. Дегтярева, М. А. Осадчий [Текст] // Вестник Кемеровского государственного университета. – № 2 (50). – 2012. – Стр. 128 – 132 (0,6 п. л.).
10. Осадчий, М. А. Нечеткие определители в текстах правовой и коммерческой документации [Текст] / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4. – Т. 2. – С. 114 – 117 (0,3 п. л.);
11. Осадчий, М. А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях [Текст] / А. Р. Дегтярёва, М. А. Осадчий // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4. – Т. 2. – С. 147 – 150 (0,3 п. л.).
12. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва [Электронный ресурс] / М. А. Осадчий // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 11 (19). Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/osadchy.pdf> (проверено 25.12.2012) (2,9 п. л.).
13. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы [Электронный ресурс] / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6; URL: <http://www.science-education.ru/106-7633> (проверено 25.12.2012) (1,0 п. л.).
14. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая параметрическая модель публичной коммуникации [Текст] / М. А. Осадчий // Мир науки, культуры и образования. – № 6. – 2012. – С. 44 – 47 (0,5 п. л.).

*Статьи в сборниках научных трудов, материалах всероссийских
и международных конференций*

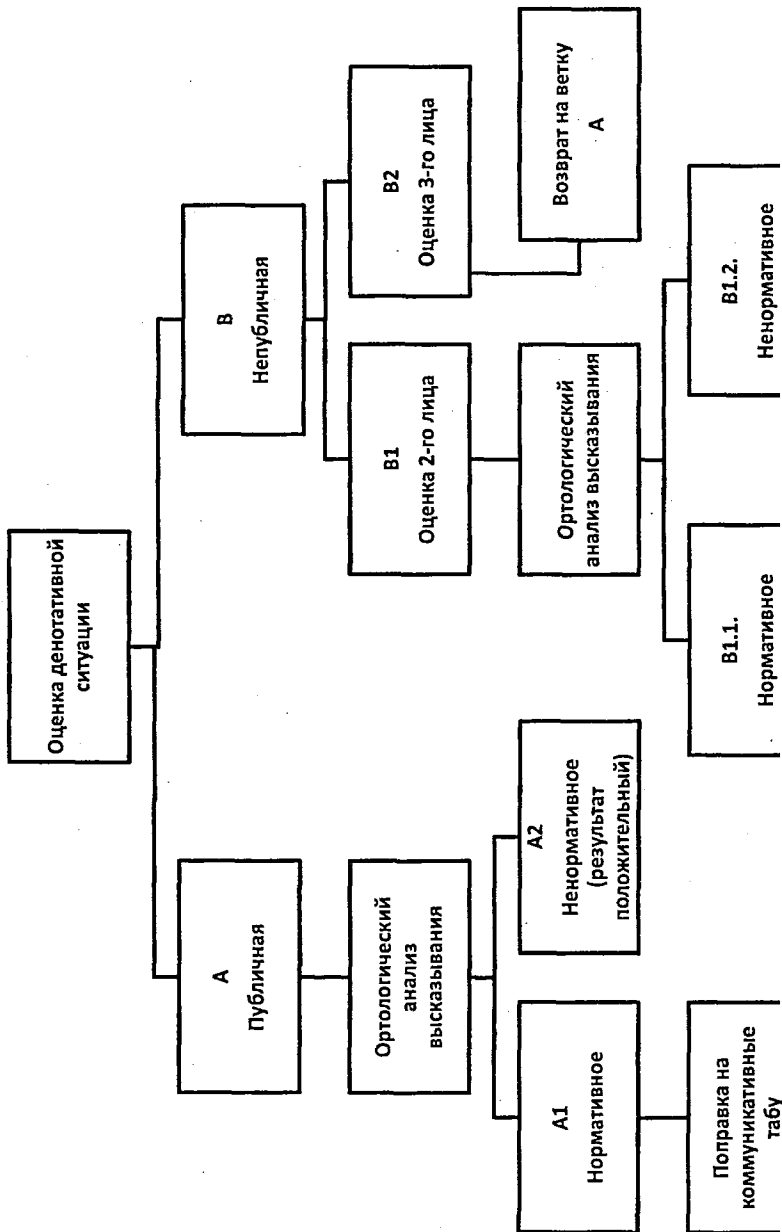
15. Осадчий, М. А. Использование лингвистических познаний при установлении субъективной стороны преступлений, совершаемых вербальным способом [Текст] / М. А. Осадчий // Коллегия. – М.: «Волга-пресс», 2007. – № ½. – 52–58 (0,8 п. л.).

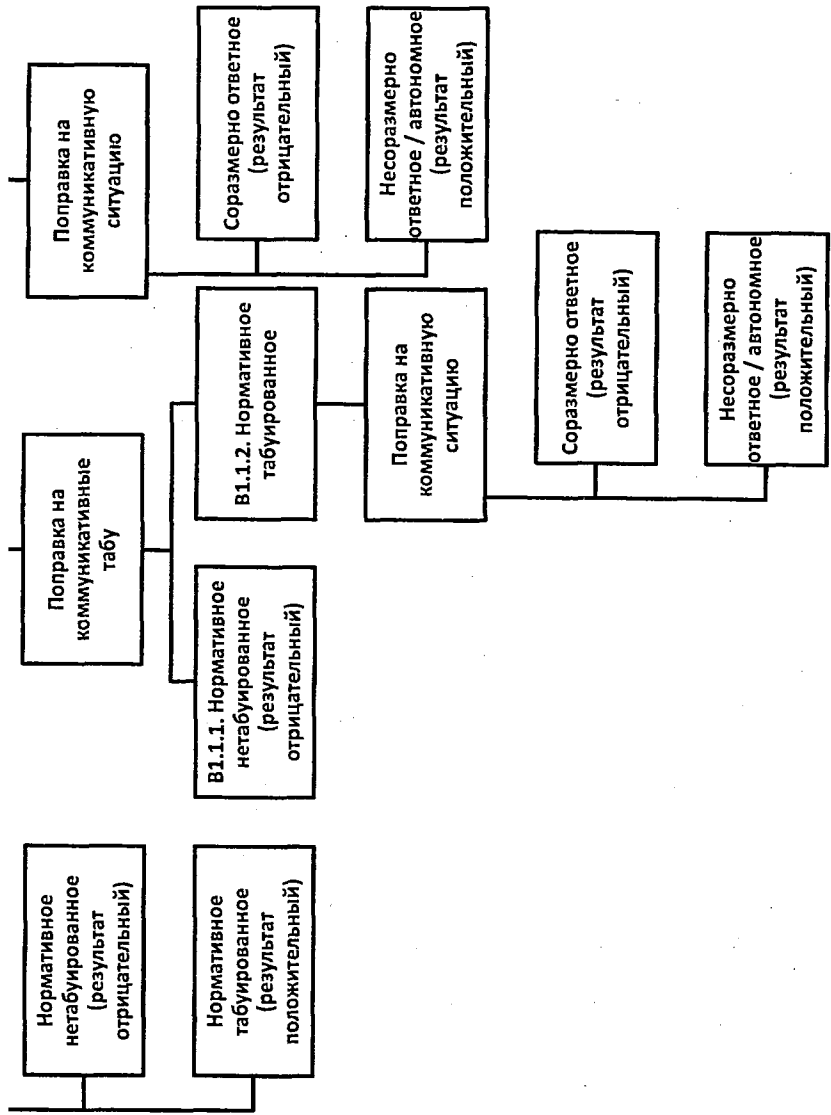
16. Осадчий, М. А. К разграничению преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ [Текст] / М. А. Осадчий // Коллегия. – М.: «Волга-пресс», 2006. – № 11. – С. 52–54 (0,6 п. л.).
17. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 [Текст] / М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2006. – № 10. – С. 54–64 (1 п. л.).
18. Осадчий, М. А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ [Текст] / М. А. Осадчий // Юридический консультант. – М.: «ЮРМИН», 2006. – № 12. – С. 18–23 (0,65 п. л.).
19. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза в расследовании преступлений против чести и достоинства / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2006. – № 2. – С. 58–64 (0,7 п. л.).
20. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора: как не сделать свое слово орудием преступления против чести и достоинства [Текст] / М. А. Осадчий // Коллегия. – М.: «Волга-пресс», 2006. – № 4. – С. 54 – 60 (0,8 п. л.).
21. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2006. – № 4. – С. 45–56 (1,5 п. л.).
22. Осадчий, М. А. Проявления экстремизма в публичных выступлениях и литературе [Текст] / М. А. Осадчий // Коллегия. – М.: «Волга-пресс», 2006. – № 6. – С. 52 – 60 (1,0 п. л.).
23. Осадчий, М. А. Наказание за экстремизм в Интернете [Текст] / М. А. Осадчий // Коллегия. – М.: «Волга-пресс», 2007. – № 3. – С. 50 –55 (0,9 п. л.).
24. Осадчий, М. А. Процессуальная целесообразность лингвистической экспертизы в делах по защите чести и достоинства [Текст] / М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2007. – № 3. – С. 56 – 64 (0,95 п. л.).
25. Осадчий, М. А. Судебно-автороведческая экспертиза в расследовании преступлений [Текст] / М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2007. – № 1. – С. 54 – 64 (1,1 п. л.).
26. Осадчий, М. А. Оскорбление как преступление, совершаемое вербальным способом [Текст] / М. А. Осадчий // Юридический консультант. – М.: «ЮРМИН», 2007. – № 5. – С. 10 – 13 (0,6 п. л.).
27. Осадчий, М. А. Клевета как преступление, совершаемое вербальным способом [Текст] / М. А. Осадчий // Юридический консультант. – М.: «ЮРМИН», 2007. – № 9. – С. 15 – 22 (0,85 п. л.).

28. Осадчий, М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 307 – 313 (0,43 п. л.).
29. Осадчий, М. А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма) / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 182 – 194 (0,81 п. л.).
30. Осадчий, М. А. Речевая угроза применения насилия как проявление экстремизма // Юридический консультант. – 2008. – № 3. – С. 20 – 23. (0,5 п. л.).
31. Осадчий, М. А. Социальный экстремизм как предмет судебно-лингвистической экспертизы [Текст] / М. А. Осадчий // Уголовный процесс. – М.: «Арбитражная практика», 2008. – № 2. – С. 55 – 64 (1,1 п. л.).
32. Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза в деле о защите репутации юридического лица [Текст] / М. А. Осадчий // Арбитражная практика. – М.: «Арбитражная практика», 2008. – № 7. – С. 51–59 (1,0 п. л.).
33. Осадчий, М. А. Феномен нечетких определителей в русском языке (на материале текстов коммерческих договоров) / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания лингвистических курсов. – Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2009. С. 123 – 127 (0,3 п. л.).
34. Осадчий, М. А. Классификация эвфемизмов с функциональных позиций / А. Р. Дегтярева, М. А. Осадчий // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания лингвистических курсов. – Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2009. – С. 110 – 114 (0,3 п. л.).
35. Осадчий, М. А. Частотность реализации и корреляции функциональных типов эвфемизмов в популярном средстве массовой информации (на материале газеты «Московский комсомолец в Кузбассе») / А. Р. Дегтярева, М. А. Осадчий // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. – Вып. 1. Системно – структурная и антропоцентрическая типология языка / отв. ред. Е. Б. Трофимова. – Бийск: ГОУВПО «АГАО», 2010. – С. 50 – 55 (0,5 п. л.).
36. Осадчий, М. А. Классификация эвфемизмов в функциональных позиций / Дегтярева А. Р., Осадчий М. А. // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: сборник научных статей / под общ. ред. Л. А. Араевой. Вып. 2. – Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2010. – С. 76 – 80 (0,3 п. л.).
37. Осадчий М. А. Особенности реализации нечетких определителей в жанре договора (на материале брачных контрактов и договоров на обучение) / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. – Вып. 1. Системно – структурная и

- антропоцентрическая типология языка / отв. ред. Е. Б. Трофимова. – Бийск: ГОУВПО «АГАО», 2010. – С. 63 – 66 (0,3 п. л.).
38. Осадчий М. А. Феномен нечетких определителей в русском языке (на материале текстов коммерческих договоров) / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: сборник научных статей / под общ. ред. Л. А. Араевой. Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – С. 59 – 63 (0,3 п. л.).
39. Осадчий М. А. К постановке вопроса об изучении речевых стратегий и тактик ухода от правовых рисков в публичной коммуникации / М. А. Осадчий // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. – Вып. 1. Системно – структурная и антропоцентрическая типология языка / Отв. ред. Е. Б. Трофимова. – Бийск: ГОУВПО «АГАО», 2010. – С. 202 – 204 (0,3 п. л.).
40. Осадчий, М. А. Образ социальной группы как интерпретативное производное (на материале криминальных проявлений «социального экстремизма») / М. А. Осадчий // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 422 – 436 (1,8 п. л.).
41. Осадчий, М. А. Нечеткие определители в аспекте деривации смыслов / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 402 – 405 (0,5 п. л.).
42. Осадчий, М. А. Эвфемизм как вторичная номинация (к вопросу о функциональной классификации) / А. Р. Дегтярева, М. А. Осадчий // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 405 – 408 (0,5 п. л.).

Схема 1. Алгоритм решения экспертной задачи по вопросу неприличности формы конфликтного высказывания

Подписано в печать 28.12.2012. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,4. Тираж 150 экз. Заказ № 23

Адрес издательства и типографии: ООО «Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77.
E-mail: 58293469@mail.ru